

АННА БАТЛУК

16+

САМАЯ
ПРИЛИЧНАЯ
ВЕДЬМА

Анна Батлук

Самая приличная ведьма

«Автор»

2021

Батлук А.

Самая приличная ведьма / А. Батлук — «Автор», 2021

Внимание, жители города Велтон! Чистокровная черная ведьма открывает кабинет красоты. Вас встретят высококлассные сотрудники! Правда пока только я и злоредный неупокоенный дух...Зато помещение отличное! В кредит, а оплачивать придется тем, что я расстрою помолвку Главы Торговой гильдии...Но зато трупов вы точно не увидите — мы их уже убрали!Как видите, плюсов гораздо больше, чем минусов, так что ждем вас на прием.

© Батлук А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анна Батлук

Самая приличная ведьма

Глава 1

Нельзя смешивать белладонну и разрыв-траву. Нельзя категорически. Об этом нужно писать во всех учебниках огромными буквами да еще и магический запрет ставить, чтобы у ведьмочек соблазна не возникло. На занятиях в колледже нас не раз об этом предупреждали, и я долгие годы держалась, но вот... решила устроить эксперимент.

Столп густого черного дыма ударил из котла в потолок. Да с такой силой, что сверху упал слой штукатурки. И ладно бы это все, но дыму показалось мало, он распространился по всей комнате и, уверена, через систему вентиляции попал к соседям.

– О нет, – застонала я и закрыла лицо руками. Кара не заставила себя ждать: надо мной хлопнула дверь, и по каменным ступеням загрохотали торопливые шаги.

– Ну ты и дура! – злобно заверещал портрет моей матушки, и словно в ответ на это утверждение раздался голос хозяина дома.

– Госпожа Беллингслаузе, – каждый слог моего имени господин Бруннер сопровождал оглушительным стуком в дверь. Можно подумать, в таком шуме есть необходимость – звукоизоляция в нашем доме очень хромает. – У вас что-то взорвалось.

Перед тем как открыть дверь, я бросила быстрый взгляд в зеркало и страдальчески поморщилась. Да уж, видок что надо: волосы в разные стороны, вымазаны чем-то липким, словно я не травы смешивала, а в варенье порох добавляла. Портрет злобно хихикал, так что я щелкнула пальцами, и моя метелка взлетела, чтобы пройтись по лицу дорогой родственницы прутьями. Дух, сидящий в картине, сердито зачихал, но хихикать перестал.

– Госпожа Беллингслаузе, вы живы? – по голосу господина Брунера было понятно, что он надеется на отрицательный ответ. Не от меня разумеется.

Я сердито посмотрела на котелок, и он, горестно скрипнув, поковылял к шкафу. Несмотря на крики хозяина дома, я дождалась, когда котелок спрячется, и только тогда открыла дверь.

– Добрый день, – я растянула губы в самой обворожительной улыбке, на какую была способна. – Как видите, все хорошо, я жива и здорова.

Господин Бруннер посмотрел на мою макушку, с которой паклями свисали обезображенные зельем волосы, и скривился.

– Не уверен. Позвольте, я пройду.

Не дожидаясь ответа, грузный хозяин дома отодвинул хрупкую меня в сторону и вошел в комнату. Остановился он резко, словно напоролся на препятствие, и я прямо-таки чувствовала, как господин Бруннер звереет. Хотелось озвереть первой, но мне по статусу жилички не позволено.

Хотя я господина Брунера очень понимала: потолок комнаты мало того что почернел, так еще местами обзавелся странной густой субстанцией, которая намекала, что побелкой обойтись не удастся.

– Госпожа Беллингслаузе, вы объясните? – господин Бруннер перешел на повышенные тона. Когда он обернулся, я всерьез забеспокоилась о сохранности собственной шеи: хозяин так сжимал и разжимал кулаки, будто представлял, как переламывает мне позвоночник. На всякий случай я сделала шаг назад.

– Разумеется, – откашлялась, пытаясь выиграть время, чтобы придумать подходящую легенду. – Я просто готовила еду и...

– Было, – господин Бруннер покачал головой и хищно улыбнулся. – Взрыв на плите у вас произошел три недели назад.

– Как жаль, – действительно очень жаль, что я забыла о собственном вранье. Полагаю, всему виной стресс от произошедшего. – Сегодня просто зеркальное повторение ситуации.

Господин Бруннер громко и тяжело вздохнул.

– Госпожа Беллингслаузе, это просто возмутительно. Нет, вы возмутительны! Месяц назад вы устроили пожар!

– Который сама и потушила, – пискнула я. Хозяин дома нахмурил кустистые брови, и я решила, что правильнее и умнее будет молчать.

– Три недели назад сожгли плиту, две недели назад устроили потоп! У вас какой-то график по уничтожению моего дома?

Я спрятала руки за спину и потупилась, всем своим видом демонстрируя, как мне жаль. Нисколько не обманывала, кстати, трудно не жалеть, когда зелье, которое я варила целую неделю, взорвалось из-за одного маленького ингредиента. Какой уж тут график для господина Бруннера – мне хоть свой заводи по уничтожению собственных перспектив.

– Есть еще один вариант, – голос господина Бруннера приобрел подозрительную вкрадчивость. – Вы, может быть, ведьма?

– Нет, что вы! – испугалась я. – Какая же я ведьма? Даже не похожа на нее.

– Из вашей комнаты доносятся странные запахи, голоса, да и моей жене вы не внушаете доверия, она не раз говорила, что стоит гнать вас из дома...

Госпоже Бруннер я не нравилась совсем не по той причине, что она чувствовала во мне ведьму. Вот кабы вместо ведьмы здесь поселился ведьмак, ей бы это очень пришлось по душе.

– ... Госпожа Беллингслаузе, я иногда думаю, что не сам решил поселить вас в своем доме. Меня точно надоумил демон, ведь вы отвратительная жиличка.

Ни один адекватный домохозяин не возьмет жиличкой ведьму. Считается, что мы притягиваем демонов, духов и всякую нечисть, что, разумеется, бред. Лично я живого демона ни разу не видела, мертвого, впрочем, тоже. Да и то, что мы с духами и нечистью всякой якшаемся, во многом преувеличение.

Авторитетно заявляю: демон никак не относится к моему заселению в дом господина Бруннера. Виной всему сваренное мной зелье, но кто я такая, чтобы спорить с уважаемым человеком?

– Вы преувеличиваете, уверяю вас, – я занервничала, а это сейчас было совсем ни к чему. – Я даже с ведьмами настоящими никогда не встречалась.

Как раз на этой мысли на глаза мне попался портрет матушки. Судя по тому, что выражение лица, изображенное на картине, было зверским, дух, сидящий в полотне, с трудом сдерживался, чтобы не высказать господину Бруннеру все, что о нем думает. Выходило, что кое-какие слухи о ведьмах все же правда, но признаваться в этом себе дороже.

– Тогда как вы объясните эту мерзость на потолке и шторах?

– Ккаких это шторах? – поразилась я. – Шторы ни при...

И тут я поняла, о чем говорит господин Бруннер. Густой дым, который решил вырваться из котелка и изменить собственную структуру, отчего-то еще и принялся размножаться. Шторы действительно почернели, да и кое-где на стенах уже появились потеки. Вместо инновационного зелья для похудения я изобрела быстроразмножающуюся черную слизь?

– Ой, я постираю, – мигом заверила я. – Обещаю, все будет чисто! Это просто... варенье. Да-да, переварила немного и... вот. Вы не представляете, какое это варенье коварное.

Я отчетливо видела, как черная слизь на стене сложилась в форму фиги.

– Черничное! – мрачно добавила я. Ясно теперь, какой эффект дает белладонна в союзе с разрыв-травой, неизвестно только, как с ним бороться.

– Конечно, постираете, – господин Бруннер взмахнул руками, распаясь еще больше. – И вычистите потолок, и оплатите ремонт плитки. Когда только это будет? Вы еще предыдущее вредительство не оплатили, а уже беретесь за новое.

В этот момент на крупный мясистый нос домохозяйина упала огромная черная капля. Мы с господином Бруннером замерли: я – от ужаса, а он – от неожиданности, а после почти одновременно посмотрели на потолок.

Черная мерзость доползла и до двери, к тому же захватила в плен мою метлу, которая скрывалась от домохозяйина под потолком. Господин Бруннер покраснел, выражение лица его приобрело совсем уж зверские черты, но, вместо того чтобы кричать на меня, он вдруг подскочил к стенному шкафу и распахнул его.

– Вот!

Вообще это слово могло означать что угодно, но я не собиралась обманываться. Господин Бруннер обнаружил то, что напрямую указывало на род моей силы и моих занятий, так что и строить из себя оскорбленную невинность больше не стоило.

Я расправила плечи и, чтобы не одной мне обидно было, съязвила:

– Вы там любовника своей жены обнаружили, господин Бруннер?

Портрет моей матери все же не сдержался и громко расхохотался. У домохозяйина глаза на лоб полезли, а я заглянула в шкаф, чтобы удостовериться, что черная мерзость туда не добралась. Нет, все чистенькое, все на месте: котел, старые книги, пучки трав и множество склянок, пробирок и мешочков. Радоваться вроде бы надо, но абсолютно все указывает на то, что я ведьма, а это значит...

– Убирайтесь отсюда! – господин Бруннер кричал так громко, что соседям даже сбегаться к дверям не пришлось – скандал можно было подслушать с удобством, не выходя из своих комнат. – И в этом городе больше никто вам комнату не сдаст, так и знайте. Я всем расскажу, что госпожа Беллингслаузе вредитель, а не жиличка!

– Напугал, – я фыркала, но на самом деле нервничала: денег на смену города могло и не хватить. – Кто вам эту дрянь с потолка уберет?

– Магов вызову!

– Они дорого берут!

– Зато деньгами, а не нервами!

Черная капля опять упала вниз, только теперь не на нос домохозяйину, а на его ботинок. Мы так и замерли, разглядывая ее, а когда господин Бруннер поднял взгляд на меня, стало вдруг ясно: договориться не удастся.

– А про жену я правду сказала, – мстительно заявила я. Да погромче, чтобы все соседи услышали. – Гуляет от вас. Хотите, скажу с кем?

По лестнице загрохотали шаги.

– Хочу!

Дверь открылась, и в щели показались несколько жильцов с верхних этажей.

– Все она врет, господин Бруннер, – проблеял один. Про него я, кстати, не знала, так что выдал он себя зря. Лицо хозяина из красного приобрело багровый оттенок, он засучил рукава рубашки и двинулся на предполагаемых любовников.

– Вы, госпожа Беллингслаузе, вещи собирайте и ждите меня. Нам еще рассчитаться с вами нужно.

Это звучало слишком уж зловеще, потому что в моем кошельке денег едва ли могло хватить на экипаж.

– Да вы не спешите, господин Бруннер, – бодро сказала я. – Никуда не денусь, буду ждать вас здесь.

Господин Бруннер отправился разбираться с конкурентами, а я бросилась спасать метлу. Черная мерзость возвращать мое имущество отказывалась. Я и нейтрализатором зелий в нее

прыскала, и ядами всякими поливала, но добилась лишь того, что метла отравилась, затихла и сражаться перестала. Лишь тогда черная мерзость ее отпустила.

Из коридора слышны были крики госпожи Бруннер и звуки ударов. Судя по тому, что женщина кричала: «бей совратителя», моя помощь не требовалась. Совратителей я боялась не меньше, чем господина Бруннера, который на время обо мне забыл, и следовало этим самым временем воспользоваться.

На улицу я выбиралась через окно, так как лестница оказалась заблокирована дракой, и уже совсем скоро шустро топала по улице, держа под мышкой портрет мамули с обитавшим в нем духом и волоча за собой чемодан на колесиках. Метла, полусонная от ядов, которыми я поливала черную мерзость, поднять меня со всем имуществом не могла, а потому пришлось погрузить на нее котелок с оставшимися зельями и ингредиентами.

Звучит все очень ладно, но на деле по городу шагала девица с волосами, перемазанными липкой гадостью, имеющей потенциал к размножению, в руках у нее был портрет, который орал дурниной матерные песни, а следом летела вялая метла с котлом, из которого торчали травы. Ведьма, да только вот в самом наихудшем ее представлении. Неудивительно, что люди смотрели на меня широко открытыми глазами, делали знаки, отгоняющие зло, и переходили на другую сторону дороги. Хорошо хоть камнями пока не бросали, но эта часть представления уже выглядывала из-за угла.

Нельзя сказать, что люди так уж плохо относятся к ведьмам, но нас боятся, и это накладывает определенный отпечаток. Сегодня могут покупать у тебя зелья всей деревней, а уже завтра этой же деревней подойдут к воротам твоего дома и станут угрожать вилами. Отчасти из-за того, что вил я боюсь гораздо больше камней, мне и пришло в голову после окончания колледжа поселиться в городе. Все-таки здесь люди цивилизованнее, не так скоры на расправу.

– Ну и куда мы направляемся? – дух вдруг решил изменить репертуар и перешел к вопросам. – Надеюсь, в гостиницу.

Для того, кто живет в портрете на птичьих правах, дух был слишком привередлив. Звали его очень даже мирно – Уго, и рядом со мной он поселился две недели назад. Отчего и почему это произошло – не знаю, просто в один далеко не прекрасный момент портрет моей мамули заговорил, чуть не подарив мне при этом остановку сердца. Считается, что ведьмы умеют изгонять духов, но этот предмет, в отличие от зельеварения, я нещадно прогуливала. Вполне возможно, что вредного злыдня ко мне подослал бывший преподаватель по защите от духов в качестве меры воспитания. Хотя кого я обманываю? Если уж это сделал магистр Ворс, то только в качестве мести за то, что некоторые свои зелья я отработывала именно на нем.

– Будем спать под мостом, – я горько вздохнула. – У меня нет ни денег, ни возможности их заработать.

– То есть как это? – изумился Уго. – Ты же работала где-то... в библиотеке?

– Меня оттуда выгнали, – вконец расстроилась я.

– Как это выгнали? За что? Тоже поняли, что ты ведьма?

Я зарделась и взяла картину поудобнее. Даже отвечать не хотелось, но не так часто у меня спрашивают о жизни, чтобы я проигнорировала вопрос.

– Нет. Просто в библиотеке упал стеллаж.

– Тебя уволили из-за упавшего стеллажа? – не поверил Уго. Правильно сделал, между прочим.

– Да, исключительно из-за этого, – твердым голосом ответила я, помялась, но все же добавила подробностей: – Он просто упал на заведующую, а я стояла неподалеку. Случайность это, обычная неподозрительная случайность. С кем не бывает? Но заведующая решила, что я специально толкнула стеллаж из-за того, что она сделала мне пару замечаний.

– Пару? – опять не поверил Уго.

– Ну хорошо, не пару. Она меня отчитывала почему зря по любому поводу. Дождь на улице? Это все из-за того, что молодые вертихвостки по улицам ходят, а кто ближайшая? Конечно, я. Ее муж позже обычного проснулся? Опять я виновата. Книжки читатель не возвращает? Как думаешь, кто виной?

Как только я замолчала, чтобы с возмущением вдохнуть свежий воздух, Уго вдруг встал:

– А речь не о том дождике, который ты вызывала? Ну который тебе для ритуала нужен был.

– Изгоню тебя! – твердым голосом сообщила я. Дух хихикнул, но не впечатлился.

– Так куда мы идем?

– Не знаю, – недовольно буркнула я. – Друзей в этом городе у меня нет, только враги.

Говорила мне матушка: черная ведьма сказала, вредная судьба поддержала, так что болтай, Франни, поменьше. Сзади слышались крики:

– Держи ведьму!

Я оглянулась и увидела спешащую за мной чету Бруннеров. Долговязая госпожа Бруннер размахивала кочергой, а пузатый домохозяин тащил увесистый стеклянный шар. Кто-то разнес слух, что они защищают от ведьм, и вот господин отчего-то решил, что это правда. Додуматься до того, что я долгое время проживала неподалеку от вышеупомянутого шара, и это не причиняло мне никакого дискомфорта, мужчина не смог. Хотя получить этим шаром в лоб не захочется кому угодно, не только ведьме.

– Бежим! – завопил портрет, и я побежала. Чемодан громыхал по брусчатке, портрет при каждом движении бил меня по бедру, а Уго вопил не своим голосом. От нервов меня пробило на смех, что тоже не способствовало ускорению. Я словно видела ситуацию со стороны, и наслаждаться ею мешала лишь опасность, наступающая с тыла.

Мы свернули в парк и нырнули в первые же кусты. По спине меня ударило древко метлы, а картину толкнуло котелком. Уго это не понравилось.

– Нас тут сразу найдут.

– Конечно, если ты не заткнешься, – я судорожно доставала все свое колдовское имущество из котелка. – Сделай вид, что портрет моей матери мил и прекрасен.

– Это же черная ведьма, – резонно заметил Уго. – Даже ее портрет должен быть вреден и страшен.

Я наконец отыскала подходящее зелье и опрыскала им котелок, метлу и чемодан. Они тут же исчезли, и едва я сама успела сделать глоток, как в парке появилась чета Бруннеров. Уго мигом умолк. Еще бы ему не замолчать, если видимым остался только портрет. Господин Бруннер бросился было по дорожке, но жена придержала его за ремень на брюках и внимательно осмотрелась. Есть такие дамочки: вроде не колдуют, а инстинкт навредить ярче, чем у чистокровной черной ведьмы.

– Ты посмотри, картину свою бросила! – госпожа Бруннер наклонилась к кустам и выудила оттуда портрет. Я отодвинулась, чтобы меня ненароком не задела и не поняли, что в кустах есть что-то поинтереснее старой картины с сидящим в ней духом.

– Груз сбрасывает, – господин Бруннер шумно дышал: бег с шаром не входил в список его любимых занятий. – Уже устала.

Кто из нас устал, я бы поспорила, но сейчас благоразумно молчала.

– Улетела она, говорю тебе. А метла ее вместе с этим убожеством поднять не смогла, – госпожа Бруннер повертела картину в руках и забросила обратно в кусты. Рама у портрета крякнула, и Уго не сдержался.

– Ну все, долговязая, ты допрыгалась, – мрачно сообщил дух. Госпожа Бруннер взвизгнула, а господин Бруннер завертелся на месте, тыкая в пустоту стеклянным шаром.

– Кто здесь? – завершала испуганная женщина.

– Совесть твоя! – рявкнул дух. – Отходила лет на десять, думала, ты человеком станешь, да без меня не получается. Так что вернулась.

Госпожа Бруннер попятилась, а муж ее с интересом прислушался, не забывая тыкать в сторону кустов шаром.

– И что теперь будет?

– Перестанешь у мужа деньги воровать, на каждого встречного мужика бросаться.

– Ой, – женщина побледнела, а господин Бруннер мигом забыл о главной причине своего гнева – то есть обо мне.

– Еще про мамулю его и слова плохого теперь не скажешь, – припечатал Уго. Госпожа Бруннер выхватила у мужа шар и бросила в кусты. Меткая вредительница, ничего не скажешь – шар попал в портрет, чуть не разорвав полотно, и упал в траву. Дух от возмущения замолчал, а господин Бруннер принялся наступать на жену.

– Дорогой, это все та ведьма! Я никогда и слова плохого про твою мамашу не сказала!

– То есть все остальное правда?!

Я даже восхитилась наивностью господина Бруннера. Мне казалось, что он о своей супруге все понял еще полчаса назад, но выходит, что запудрить мозги можно даже при наличии кучи свидетелей. Хоть уроки у госпожи Бруннер бери, честное слово.

Про меня супруги опять забыли. Жена отступала, а муж следовал за ней, потрясая огромными кулачищами. Уго не вытерпел и напоследок сладенько сказал:

– Я вот только упустила момент: а ребенок точно от мужа? А то как раз на это время удалилась, так что все может быть.

И Бруннеров прорвало: жена рванула вон из парка, высоко поднимая колени и размахивая юбками, а муж ее совсем забыл о том, что недавно тяжело дышал от усталости. Теперь моя помощь могла и понадобиться, раз рядом не было коварных соблазнитель, но влезать я не собиралась. Посмотрела на портрет и едва сдержалась, чтобы не расцеловать его.

– Уго, ты нас спас.

– Я себя спасал, – зло огрызнулся дух. – Ты же не позаботилась! Почему меня зельем невидимости не обрызгала?

Сначала я выпила нейтрализатор, а потом уже, появившись, с удовольствием продемонстрировала пустой пузырек.

– Мне не хватило. А тебя и так не видно.

– Не хватило ей, – передразнил меня Уго. Я сделала вид, что оскорблена. – А то я не знаю, сколько у тебя пузырьков? Можно подумать ты не при мне все зелья варила? При мне, конечно! Надеялась, скотина неблагодарная, что я из картины вылезу, а ты ее запечатаешь. Так ведь? Я прав?

Я подумала и признала:

– Не считая незначительных деталей типа «скотина неблагодарная», со всем согласна.

– Вот! – дама на портрете подняла палец вверх. – А я, между прочим, придумал выход из сложного положения, в которое ты попала исключительно по причине собственной непроходимой глупости.

В этот момент я подумала о том, что в библиотеке достаточно литературы, в которой описываются способы изгнания духов. Меня, конечно, выгнали оттуда, но как сотрудника, а не как посетителя. Так что можно будет и заглянуть. И пусть это намного энергозатратнее, чем запечатывание картины, но Уго же нарывается.

– Ты вот объясни, – продолжал дух, не зная о том, какие мысли бродят в моей голове. – Ты зачем в город приперлась? Нормальные ведьмы в деревнях прячутся.

Деление ведьм на нормальных и ненормальных меня возмутило. Да что там, конкретно обидело, и я ледяным тоном возразила:

– Как раз у нормальных ведьм амбиции есть. Они чего-то добиться хотят, а не в деревне всю жизнь оставаться.

– Амбициииции, – хохотнул Уго. – И что же ты собираешься в городе делать, амбициозная такая?

Я вспыхнула и глубоко вдохнула, чтобы как рассказать духу да как высказать все, что о нем думаю, но вдруг осеклась. Сажу тут, в кустах, рядом понемногу проявляется котелок с вялой метлой, чемодан, в котором две мантии и пара платьев, а говорю об амбициях. Да мне впору курсы проводить на тему: «Как стать неудачницей», а не рассуждать о каких-то возможностях.

– Я хотела открыть кабинет красоты, – прошептала я.

– А? Что? – расхохотался Уго. – И что это такое?

– Это рабочее название, – я смутилась. – Хочу делать женщин красивыми с помощью изобретенных мною зелий. В колледже выходило неплохо: лечила подругам прыщи и шрамы.

– Глупость какая, – пробормотал дух, а я почувствовала себя ущемленной и повысила голос.

– Да, моя самая большая мечта – накладывать всякие примочки на лица женщинам и получать за это деньги. Желательно большие, но пока согласна и на маленькие. Вот только в деревне не найдешь дураков и бесплатно это делать, потому я и приехала в город.

Уго помолчал и довольно мирно подвел итог:

– Теперь понятно, для чего ты делала свои жуткие варева. Знаешь, тебе нужно придумать что-то для нормального запаха, потому что воняют они жутко – ни одна красотка не вытерпит.

– Красотками должны становиться уродины уже после того, как я наложу им вонючие зелья, – упрямо ответила я. – Потерпят ради красоты.

Вопросы духа меня расстроили, и какое-то время пришлось потратить на то, чтобы успокоиться. Уго молчал, и я решила, что тема закрыта, но едва поднялась, чтобы собирать вещи, он вдруг сказал:

– Странно, мне казалось, что ведьмы своих не бросают. У вас же Совет ведьм есть, который выполняет одно единственное желание ведьмочки, когда она колледж заканчивает.

– Не то чтобы не бросают, – я засмузилась. – Но ты прав, одно желание выполняют. Если оно адекватное.

– Тогда почему ты непустила эту помощь хотя бы на аренду помещения?

Я зарделась и опять села на траву. Не то чтобы мне действительно не нужна была помощь, просто мамочка часто говорила, что от сборища ведьм нужно держаться подальше, и, как показывала практика, она всегда оказывалась права.

– Уго, Совет ведьм ничего просто так не делает. Они помощь предоставят, а потом всю кровь из меня выпьют под предлогом благодарности. Я черная ведьма, я не хочу быть благодарной, уж лучше сама всего добыю.

– Ну сама ты добилась только ночевки под мостом, – резонно заметил дух. Был бы он материален, ударила бы за неожиданную адекватность, а сейчас картину было жалко. – Может быть, стоит и поговорить с Советом ведьм?

Я улыбнулась, да так широко и неискренне, что заболели щеки.

– Уго, а с чего ты вдруг таким понимающим стал? Получается, все это время притворялся идиотом?

– Нет, я сейчас притворяюсь нормальным. Не уходи от темы: что такого страшного могут потребовать ведьмы?

– Моя подруга должна отдать им первенца-мальчика, – прошептала я. – Элла теперь боится рожать.

– Мда, ситуация. А отказаться твоя Элла не могла?

Хотелось нагнать жути рассказом о том, что ее заставили и отказаться возможности не было вообще. Вот ни капельки. Пытали, били и навязывали свое мнение. Но я же честная! За исключением некоторых случаев. Решила сказать правду, не упуская случая посплетничать о подруге.

– Вообще-то могла, но... – я подождала, пока по дорожке пройдут две девушки. – Слушай, зачем они открыли зонтики, если дождя нет?

– Не отвлекайся, – прикрикнул Уго. – Могла, но?

– Но ей жутко хотелось получить богатого мужа. Вот ведьмы и потребовали плату.

– Так за все нужно платить!

– Но не детьми же, – возмутилась я. – К тому же раз Совету ведьм по силам увеличить любой из нас силу, то почему бы не сделать это просто так? Одно единственное желание после окончания колледжа выполнить и то не в состоянии.

Девушки с зонтиками прошли обратно, только теперь в сопровождении симпатичных парней. Я почувствовала неожиданную, но глущую досаду и шелкнула пальцами. Над девицами вмиг появилась маленькая тучка, и дождик не заставил себя долго ждать. Влияние на погоду никогда не было моей сильной стороной, но несколько минут дождя я могла вызвать и без подготовки.

Девицы заверещали, оказалось, их зонтики отвратительно защищали от влаги. Я подождала, пока парочки скроются, и зловеще расхохоталась. Настоящий черноведьминский смех – у нас даже предмет такой в колледже был.

Уго тоже дождался, когда мы опять останемся в одиночестве, и бодро заявил:

– Ну раз у тебя поднялось настроение, пойдем искать место для ритуала.

– О каком ритуале речь?

– Будешь Совет ведьм вызывать и просить помощи.

Я только открыла рот, как дух повысил голос:

– Подожди! Послушаешь условия Совета ведьм и решишь, отказываться или нет. Понимаю, что хотелось блеснуть самой, но не получилось же. Не получилось, Франни. Ладно я, ладно ты, но подумай о портрете дражайшей матушки. Если ты станешь жить под мостом, на пользу ему это не пойдет.

Я хмыкнула. Разумеется, аргументы духа меня не впечатлили, но ночевать под мостом не хотелось. Где-то в сердце екнула надежда, что Совет ведьм попросит что-то незначительное, может быть, процент от дохода, а не ближайшего родственника. С другой стороны, всегда можно отказаться. Насколько я помню, руки и впрямь никто не заламывает.

И почему я раньше не решалась? Наверное, просто нужно было, чтобы кто-то озвучил мои же мысли.

– Ну хорошо, – я тяжело вздохнула. – Пойдем искать место для ритуала.

Глава 2

Ночь была темная, безлунная и холодная. Несмотря на разгар лета, срывался пронизывающий ветер, и меня знобило, хотя я натянула плащ. Даже если бы мы не нашли подходящее место для ритуала днем, то ночью точно бы отправились его искать. Под мостом в такую погоду уснуть проблематично.

В кустах слева треснула какая-то веточка, справа ухнул филин, а у меня от нервов задергался глаз. Не боятся ведьмы ночных вылазок – нам по статусу положено, но воображение рисовало картины одна другой страшнее. Едва шевельнувшиеся кусты представлялись мне убежищем господина Бруннера, который вернулся с отрядом стражников, чтобы отобрать у меня последние деньги. Темные силуэты филинов и летучих мышей, которые стягивались поближе в предчувствии черноведьмовского ритуала, казались друзьями Уго. Еще одного духа поблизости я точно не переживу.

Я очертила круг на земле и присыпала его толченым мелом, чтобы в темноте было лучше видно.

– Мука подошла бы больше, – заметил Уго. Я кисло посмотрела на портрет.

– Умный такой? У меня мука давно закончилась.

– Так у господ Бруннеров можно было напоследок прихватить. В уплату потерянной совети, так сказать, – смех Уго был еще более зловещим, чем обычно получался у меня.

– И как я не догадалась? – не теряя времени, я расставляла по кругу свечи. – Почему-то когда мы сбегали из их дома, ты кричал: «скорее, быстрее», а не просил вернуться за мукой.

– Я идейный вдохновитель, – нагло заявил дух. – А о способах хозяйственного обеспечения ты должна думать самостоятельно.

– Ты идейный вредитель, – я наклонила голову, оценивая собственные труды. Вроде бы все правильно.

– Вон ту свечу передвинь на сантиметр правее, – из картины высунулся призрачный палец, указывающий, что именно духу показалось неидеальным.

Я поджала губы, но свечу переставила. Посмотрела на небо и поморщилась: из-за тучи выглянула луна, а значит, следовало начинать ритуал. Я нервничала, и нервничал Уго. Причем дух переживал настолько, что как только я вошла в круг, громким шепотом сказал:

– С Богом!

Я даже поперхнулась от неожиданности. Желать черной ведьме заступничества Господа как минимум странно.

– Уго, а ты вообще в курсе, чем мы здесь занимаемся?

– Помощь со стороны никогда не повредит.

Я закатила глаза, но в спор решила не ввязываться.

Заклинание вызова Совета ведьм все выпускницы колледжа заучивали перед выпуском. Тренировались, сдавали экзамен, все для того, чтобы обратиться к наставницам раз в жизни, но у меня имелась еще и шпаргалка. На собственную память я перестала надеяться еще на первом курсе, когда перепутала заклинание немоты и заклинание честности. Колледж, конечно, остался в выигрыше, потому что магистр Золлинге сознался, как именно списал бесхозные метлы, но я с тех пор все заклинания зашифровываю в заговоренную тетрадку.

Я нараспев произнесла необходимые слова и замерла в ожидании. Минуту-другую ничего не происходило, да и луна скрылась за облаками. Я обернулась к картине и развела руками.

– Ничего не получилось.

– Может быть, в заклинании ошиблась?

Уго высунулся из картины и наклонился над моей тетрадкой. У меня даже руки зачесались запечатать портрет, но для этого нужно было выйти из круга.

– Что ты сюда заглядываешь постоянно? Белые же страницы совсем.

Если бы в тетрадку заглянул человек, его бы шарахнуло проклятьем, но Уго, как обычно, повезло – на духа оно не распространилось.

Свечи одновременно вспыхнули, и от неожиданности я чуть не завизжала. Хорошо, что сдержалась, – по кругу появились полупрозрачные женщины. Вернее, по кругу стояли первые появившиеся, а остальным места не хватило, и им пришлось отойти ближе к центру. А в центре стояла я. Так что совсем скоро мы прижимались друг к другу, и хорошему настроению это не способствовало. Моему так точно – от призрачных тел сквозило как из склепа.

– Почему круг такой маленький? – озвучила одна из ведьм мысль, которая читалась на всех лицах.

– Мела мало было, – призналась я.

Ведьмы посмотрели на меня внимательнее, и самая толстая, прижимавшаяся ко мне призрачным боком, сказала:

– А ты кто такая? Я тебя вообще не помню, хотя знаю всех выпускниц. Ты вообще ведьма?

– Я вас тоже не помню, – разозлилась я. – Но таких вопросов не задаю.

– Ведьма, – облегченно подтвердила первая. – Хамит, имя не спросив, и злится по поводу и без. Я Ангелика, старшая из Совета ведьм. А ты кто ты, дитя?

– Франциска Беллингслаузе. Я в прошлом году выпустилась.

– Беллингслаузе, Беллингслаузе, – прошелестело по кругу, и Ангелика приподняла брови в вежливом недоумении.

– Я помню Оливию Беллингслаузе.

– Это моя мама, – я машинально махнула в сторону портрета, рука моя прошла сквозь призрачное тело, и я взвизгнула от боли. Казалось, будто опустила руку в ледяную воду и забыла ее оттуда вынуть.

– Возможно, – Ангелика важно кивнула.

– Уверю вас, это точно. Все говорят, что мы с мамулей очень похожи.

– Возможно, – уже с раздражением повторила старшая ведьма. – Но почему ты обращаешься к нам только сейчас?

Правду говорить не хотелось. Любой человек обидится, если сказать, что ты к нему обращаться не хотел, потому что он корыстный как жаба, которая всех обычно душит. А здесь речь вообще идет о ведьмах, и на такое заявление они явно не помощью ответят. Как бы сглаз сразу от тринадцати ведьм не заработать.

– Не было подходящего желания, – выкрутилась я. – Зато сейчас появилось.

Ведьмы переглянулись, подмигнули друг другу, и как-то так сразу стало понятно, что поддержки мне не дожидаться. Ангелика растянула губы в ядовитой улыбке и слащаво, но безумно гаденько произнесла:

– Поезд ушел, Франциска Беллингслаузе. Поздно спохватилась.

– То есть как это? – растерялась я. Не больно то и хотелось просить помощи у Совета ведьм, но, если выясняется, что меня обделили, требую положенное! – Каждой выпускнице обещано одно желание!

– Так все уже, мы копим силы для следующего выпуска.

– А где силы, сохраненные из-за моего нереализованного желания? – я сложила руки на груди. – Да я жаловаться на вас буду!

– Вперед, – некоторые ведьмы злобно рассмеялись. – Прямо сейчас жалобу готовы принять и рассмотреть. Всем составом.

Я насупилась, но ясно было, что нахрапом проблему не решить. Мамочка всегда говорила, что хороший скандал пропускать не положено, но иногда можно и дурочкой прикинуться. Судя по тому, что ее желание Совет ведьм выполнил, стоит прислушаться.

– Ну пожалуйста, – захныкала я. Попыталась схватить было за руки Ангелику, но вовремя вспомнила о том, что передо мной всего лишь призрачная ее часть. – У меня такое маленькое желание, что это вам ничего не будет стоить.

– Нет, – ведьмы принялись толкаться, чтобы выйти к границам круга, но я не прекращала притворно хныкать.

– Я же здесь совсем одна-а-а, мне даже ночевать негде. Велтон – негостеприимный город для ведьм!

Ангелика вдруг застыла на месте, спиной ко мне, а остальные ведьмы прекратили напирать. Вот так резко, будто по щелчку пальцев, и это было очень подозрительно. Я оглянулась на Уго, но не разглядела его за завесой призрачных тел.

– Где ты, говоришь, находишься, я не расслышала, – Ангелика обернулась ко мне всем телом и улыбнулась так нежно, будто и не было отказа в помощи.

– В городе, – смутилась я. – В Велтоне. Это на севере.

– О, я знаю, где это, – главная ведьма счастливо рассмеялась. Как по учебнику, кстати. Смех был из раздела «Как смеяться, когда сложились карты». – А чего ты хочешь, Франциска? Я чувствовала подвох в резком изменении настроения ведьм, но отступить было поздно.

– Мне нужен дом в этом городе. Неразрушенный, желательно в центре.

– Откроешь лавку? – понимающе кивнула Ангелика.

– Нет, ну почти, – я нахмурилась, не зная, как объяснить. – Хочу сделать место, где смогу делать женщин красивыми.

– Оу, – ведьмы переглянулись, но разговаривала со мной только старшая. – Думаешь, для этого хватит одного лишь помещения?

Нет, не хватит. Но я переживала, что, если попрошу больше, отдача от помощи ведьм замучает.

– Я все отлично понимаю, но от вас мне нужно лишь помещение, – отрезала я и быстро добавила: – Предлагаю за это тридцать процентов от прибыли.

– Когда эта прибыль еще будет, – Ангелика улыбнулась. – У меня предложение получше. Что если мы дадим тебе дом и деньги на первое время, а процент от прибыли ты нам платить не будешь?

– И в чем подвох?

– Мы всего лишь попросим оказать нам услугу.

Я поджала губы. Вот оно. То, чего я так боялась, и впрямь происходит.

– Ребенок, да? Вам нужен мой первенец? – от выражения моего лица мог скиснуть борщ. Ангелика выглядела удивленной, и я немного приободрилась.

– А зачем нам твой ребенок?

– Не знаю, для ритуалов каких-нибудь, или вы просто детей любите. Вам виднее, зачем вы младенцев отбираете.

Ведьмы непонимающе переглянулись, и Ангелика потеряла нос.

– Ты очень странная, Франциска. Нет, ребенок твой нам ни к чему, тебе всего лишь нужно расстроить чужую помолвку.

Я помолчала, ожидая какого-то продолжения, но ведьмы смотрели на меня с таким видом, будто все должно было сразу стать понятно.

– И чье стремление к браку вас не устраивает? – я старалась быть терпеливой.

Ангелика выглядела довольной. Судя по всему, она уже потирала ручки в предвкушении моего согласия.

– Его зовут Дэниел Кромберг. Глава торговой гильдии.

Никогда про него не слышала, но, честно признаться, мои знакомства в этом городе были ограничены. Глава торговой гильдии представлялся мне толстым старичком с длинными пальцами, которыми удобно пересчитывать деньги. Потому я даже представить не могла, чем сва-

дьба какого-то старикашечки могла не понравиться Совету ведьм. Не иначе кто-то просто приревновал бывшего любовника. Все ж таки не все ведьмы в Совете молоды и прекрасны.

– И зачем вам это нужно?

– Не твое дело, – отрезала Ангелика. – Твое дело – сделать так, чтобы Дэниел Кромберг никогда не женился на Герти Кафлиц.

А вот про нее, вернее про ее папочку, я слышала. Мэр города, в котором мне так хочется открыть кабинет красоты. Я даже видела его однажды, когда пыталась прорваться на прием. Приятный на вид мужчина, оказавшийся вредным типом. Именно по его приказу меня вышвырнули из мэрии, еще и очень обидно бросили вслед прошение о дотации. Уверена, мэр и подумать не мог, что у меня появится отличный способ отомстить. Повод-то уже имеется.

Я прикинула варианты развития событий: у меня будут деньги, время и возможности на подготовку целой кучи зелий. В моем распоряжении множество ритуалов, и неужели, вооружившись этим арсеналом, я не смогу расстроить какую-то свадьбу? Явно же, бедную Герти выдают насильно, так что я даже помогу бедняжке.

Я чуть ручки от радости не потеряла, но вспомнила, что за мной наблюдают тринадцать ведьм, и сделала недовольное лицо.

– Последний вопрос. Почему вы не можете сделать это самостоятельно?

– Мы собирались, но ты очень удачно появилась в Велтоне, – Ангелика протянула мне призрачную руку. – Так что, согласна? Учти, что сказать Кромбергу о договоре ты не сможешь. Как, впрочем, и Кафлиц. Только начнешь говорить – схлопочешь проклятие.

Я с сомнением посмотрела на старшую ведьму и попыталась сделать вид, что делаю рукопожатие. Ангелика цыкнула и с неожиданной силой схватила меня за руку. Теперь от призрачной ладони я чувствовала тепло.

– Согласна, – пробурчала я, и в то же мгновение свечи потухли и ведьмы исчезли. Темнота навалилась так быстро, что сначала я словно бы лишилась зрения. Из кустов ухнул филин, а ветер опять пробрался под пальто. Больше круг не защищал меня от действительности.

– Ну что? – спросил у меня портрет. Уго предусмотрительно спрятался в нем и не высывался. – Как все прошло?

– Уго, по-моему, меня обманули, – разозлилась я.

– Что там? Что там? – нервничал дух. – Под мостом спать придется? Тебе отказали? Ты отказалась?

– Да никто никому не отказывал! – поток красноречия удалось прервать только с пятого раза. – Мы вроде как заключили соглашение, только пользы я что-то не вижу.

– Как это не видишь? – Уго опять высунулся из портрета. – Условия плохие?

– На голову мне дом упал? – рывкнула я. – Или из-под земли вдруг вырос? Нет? Вот поэтому и говорю, что меня обманули.

Не успела я толком запаниковать на тему того, где нам с духом ночевать, как в макушку мне прилетел конверт. Я ойкнула – было больно. А значит что? Значит, можно надеяться, что конверт тяжелый из-за набитых в него денег. Пока я вновь зажигала свечи, мысленно уже прикидывала, что куплю в первую очередь. Ингредиенты для зелий, оснащение для лаборатории, новый котелок...

Покосилась на старый и решила, что буду пользоваться сразу двумя.

В конверте помимо денег оказались и документы. Сердце мое забилось быстрее от предвкушения чего-то чудесного и приятного. Что может быть приятнее, чем куча денег? Документы о праве собственности на дом в городе Велтон, разумеется. Я прижала все бумажки в груди и счастливо закружилась.

Метла уже отошла от ядов и зелий, которыми я щедро поливала черную мерзость, так что в новый дом мы добрались быстро и, что ценно, молча. Какие великолепные картины будущего

я рисовала в своем воображении, и очень хорошо, что у Уго не было возможности их испортить своими репликами. Хотя он очень старался что-то сказать, все звуки сносил встречный ветер – благодать. Так бы летала и летала, но пришлось снижаться.

Вообще центральная улица освещается фонарями. Рядом с некоторыми домами этих самых фонарей наткано по три штуки, но вот возле дома номер восемь, по документам принадлежащего мне, источники освещения отсутствовали в принципе. Не за горами был рассвет, очень хотелось спать, а потому внимания этому я не уделила, зажгла одну свечу из собственных запасов и двинулась к двери.

Душа трепетала: все же впервые я открывала свой личный дом, в котором скоро, совсем скоро исполнятся все мои желания. Даже Уго притаился, понимая, что разрушит такой момент и получит билет на первый же рейс в потусторонний мир.

Ключ я нашла в том же конверте, которым совсем недавно получила по макушке. Вставила его в замочную скважину, сделала глубокий вдох и толкнула дверь. Ничего не произошло – дверь приоткрылась примерно на ширину стопы и все.

– Заржавело, – зачем-то пояснила я Уго и навалилась на дверь. Опять заминка – чувствовалось, что изнутри что-то мешает мне проникнуть в собственный дом.

– Поднажми, – прошептал дух. – Может, мусор какой лежит?

Я честно поднажала. Даже попинала дверь от души, но ничего не изменилось.

– Это точно не мусор, – сделал вывод Уго. – Давай я посмотрю?

– Из картины вылезешь? – как-то слишком радостно спросила я и тем самым выдала свое самое большое желание.

– Обойдешься, – обиделся дух. – Поставь картину в дом, рама боком отлично пройдет, а я посмотрю.

Так мы и сделали. Я затолкала картину в проем и терпеливо принялась ждать вердикта. Терпения моего хватило секунд на тридцать, не больше.

– Ну что там? – прошипела я.

– Доставай, – отозвался Уго. Как по мне, ответить можно было сразу, но дух опять проявил врожденную вредность. Я достала картину и уставилась на лицо любимой матушки.

– Ну? – грозно спросила я.

– Ничего страшного. Прямо под дверью лежит мужик. Из-за него ты и не можешь открыть дверь.

Я так растерялась, что сонливость рукой сняло.

– Кккакой это мужик?

Отчего-то мне подумалось, что ведьмы подкинули мне в дом Дэниела Кромберга. Вдруг я что-то не так поняла и под «расторжением помолвки» подразумевалось убийство? Вот демонов семенники, и уточнить-то не у кого.

– Или мертвый, или спящий, – хладнокровно выдал Уго.

– Что значит «мертвый»? – взвизгнула я. – Ты почему не проверил?

Мою глупость можно оправдать только ярчайшим испугом, который появился, когда я осознала, что в моем доме может лежать труп.

– А как я ему пульс пощупаю? – логично ответил дух. – Ты пни посильнее, тут два варианта: или проснется, или дверью сдвинем.

Я поставила картину на землю, облокотив на стену, а сама присела на ступеньки. Хотелось, конечно, верить, что в доме моем лежит какой-то пьяница, которому, как и мне, негде переночевать, но живой человек не стал бы долго терпеть, что его косяком двери бьют. А значит что? Значит, следует на время забыть, что я ведьма, и поступить так, как того требуют приличия.

Я тяжело вздохнула и подозвала метлу.

– Ну что, Уго, грузимся заново.

– Я под мостом ночевать не буду! – дух закричал так громко, что, уверена, все соседи в радиусе трехсот метров проснулись. В этом весь Уго – не спит он, нечего спать и остальным.

– В полицию полетим, – я поморщилась от недовольства. – Пусть они разбираются: живой наш незваный гость или мертвый.

Глава 3

Мужчина в доме был мертв. Я подозревала об этом еще на пути в отделение, но, когда полиция открыла дверь и вынесла свой вердикт, без удовольствия подтвердила свои догадки. Не могло все быть настолько хорошо, как мечталось, глупо было надеяться, что в помощи ведьм не будет никакого подвоха.

Пока сержанты обыскивали дом, я скромно сидела на крыльце и смотрела на светлеющий горизонт. Вещи горкой лежали здесь же, в двух шагах, а портрет подпирал мой локоть – Уго тоже был возмущен тем, что полиция осмотрела дом раньше нас.

– Можно было и не обращаться к этим курицам, – шептал мне дух, счастливо позабыв о том, что именно по его настоянию я провела ритуал. – Сегодня переночевали бы как-нибудь под мостом, а завтра что-нибудь придумали.

Я кивнула. Желание спать уже съело само себя, но усталость была настолько сильной, что не имелось сил даже отвечать Уго. Его это несколько не смущало, и дух вещал:

– Я считаю, ты должна вызвать Совет ведьм и устроить скандал. Нет, разлить в месте вызова слабительное средство, и пусть они мучаются... Постой, а подействует слабительное, если ведьмы не появляются полностью, а переносят часть энергии?

Я покачала головой.

– Да и на тебя повлияет, – расстроился Уго. – Что ж делать?

Я пожала плечами и закрыла глаза.

– Тогда пишем жалобу. Да-да-да! Я помогу ее составить. Если не отреагирует король, мы сможем обратиться к прессе. У меня куча знакомств, у меня куча должников! Да мы этих ведьм...

– Уго, – я еле разжала губы. – А кем ты был при жизни?

– Хм, я... я не помню... Это неважно, отстань.

Дух явно смутился. Вот совсем недавно он с энтузиазмом говорил о должниках, а когда я заострила на этом внимание, вдруг растерялся. Это было настолько неожиданно, что я открыла глаза и с удивлением обнаружила всего в нескольких шагах мужчину. Так ладно бы он просто стоял, но нет, он еще и нагло на меня глазел, поморщившись так, будто перед ним не ведьма сидела, а вошь. Мне в этой жизни мало что нравилось, и хамы наподобие этого в число симпатий точно не входили, а потому я нахмурилась и тоже принялась мужчину рассматривать.

За секунду я отыскала в нем столько недостатков, что выражение моего лица стало еще брезгливее, чем его: и нос длинноват, и губы пухловаты, и небритость заметна. В какой-то момент я отвлеклась и на достоинства, все ж таки широкие плечи и квадратный подбородок игнорировать было нельзя, но на общее впечатление это никак не повлияло.

Мы играли в гляделки несколько минут и я уже начала переживать, что у меня лицо заклинит, но тут вмешался Уго.

– О, а это еще кто? Франни, давай в него бросим каким-нибудь зельем, сил нет быть хорошим. Нужно выпустить раздражение.

– Доброе утро, – мужчина ядовито улыбнулся. – Я офицер полиции Мартин Ригерлаш.

– Ой, – Уго мигом понял, что ляпнул лишнего, и притворился обычным портретом.

– Мне показалось, или ваша картина предлагала осуществить нападение на должностное лицо?

– Вообще не понимаю, о чем вы говорите, – фыркнула я. – Если вам кажется, что картины разговаривают, то обратитесь к лекарям. Говорят, если такие симптомы не лечить, дальше будет хуже. Кстати, а почему вы не в форме?

Офицер на мгновение закатил глаза, но я поняла, что обо мне уже сделали вывод, и теперь показаться хорошей не удастся.

– Как раз направлялся домой после дежурства, так что не успел переодеться. Но это неважно, на мои профессиональные качества одежда никак не влияет. Может быть, вы представитесь, госпожа...?

– Беллингслаузе, – я почесала нос. – Хозяйка этого дома.

– Вот как? – Ригерлаш хмыкнул, и мне показалось, что он не поверил.

– Документы у ваших коллег, – я обиделась и подбородком указала направление. – Забрали перед тем, как выломать дверь.

Офицер покачал головой, обошел меня, причем отодвинуться я и не подумала, и скрылся в доме.

– Мерзкий типчик, – сообщил дух. Можно подумать, я сама этого не поняла.

– Так кем говоришь ты был при жизни?

Уго опять замолчал.

Когда труп увезли и большая часть полицейских покинули мой дом, я приободрилась. Понадеялась, что наконец смогу рассмотреть обретенные хоромы и воспользуюсь возможностью поспать хоть несколько часов. Собрала в охапку вещи, но только переступила порог, как увидела офицера Ригерлаша. Отчего-то я вспомнила, что волосы до конца в порядок привести не успела, и офицер, который только что после смены, выглядит во много раз лучше меня. Не в силах терпеть такую несправедливость, я скривилась так, будто у меня внезапно заболел зуб.

– Офицер, вы еще не закончили?

– Нет, – мужчина развел руками. – Я должен вас допросить.

– Допросить, – недовольно пробурчала я, попутно осматривая комнату, в которой оказалась. – Вообще-то я потерпевшая.

Вроде бы больше подвоха ведьмы мне не подготовили: комната показалась запущенной и грязной, но полы и потолок на месте, да под чехлами угадывалась какая-то мебель. Не успела я приободриться, как Ригерлаш мягко сказал:

– Госпожа Беллингслаузе, по итогам нашего общения вы вполне можете стать подозреваемой.

Все вещи, которые я держала в руках, упали на пол. Уго вскрикнул, а я возмущенно воскликнула:

– Да с какой стати?! Я в дом в первый раз зашла позже, чем вы.

– Все выясним, – у офицера был настолько хитрый вид, что я чуть не придушила его, внезапно лишив воздуха. Остановило лишь то, что слишком много свидетелей в форме видели, как Ригерлаш оставался в доме. – Может быть, присядем?

– Конечно, давайте, – я обвела рукой комнату. – Садитесь прямо на пол, а я, так уж и быть, воспользуюсь чемоданом.

Мерзкий офицер прислушался к чему-то, щелкнул пальцами, и из другой комнаты выскочили два стула. Я чуть не зарычала, когда поняла, что Ригерлаш распоряжается моим имуществом, и тут же прикусила язык, потому что осознала, что передо мной маг. Хороша бы я была, напади на мага. Размышлять о месте ночлега точно бы не пришлось ближайшие лет двадцать.

Я села на стул и сложила руки на груди. Тут же решила, что поза слишком закрытая для той, кто ни в чем не виноват, и переложила руки на колени. Подумала немного и разжала кулаки для убедительности. От Ригерлаша мои телодвижения не укрылись, и он хмыкнул. Сам офицер сел напротив и выглядел совершенно расслабленным. Не было в его руках даже обрывка бумаги, и мне показалось это странным, все-таки допрос предполагает оформление каких-то документов, но спрашивать об этом посчитала ниже своего достоинства.

– Может быть, начнем? – надеюсь, хотя бы выглядела я уверенно, потому что чувствовала себя совсем не так.

И мы приступили. После стандартных вопросов: кто я, когда появилась на свет и где, началась тема посложнее.

– Где вы учились, госпожа Беллингслаузе?

Был велик соблазн скрыть свое образование, но тогда я не смогу объяснить, как получила дом, а задерживать офицера дольше необходимого не хотелось.

– Ведьмовской колледж.

– Вот как, – Ригерлаш посмотрел на картину. – И вы по-прежнему заявляете, что голос от портрета мне слышался?

Я даже ужаснулась от такого заявления. Приложила руку к груди и вытаращила глаза.

– Да как можно, офицер! Нет, такого я никогда не говорила. Напротив, я утверждаю, что у вас голос в голове. Это намного более серьезный симптом. Знаете, у нас в колледже был курс лекарского дела, и я могу делать такие выводы.

Самое обидное, что Ригерлаш не обращал на мои выпады никакого внимания. Сидел, вежливо улыбался и будто бы знал что-то, чего не знала я. Это бесило.

– Госпожа Беллингслаузе, я живу в Велтоне всю жизнь, а это без малого двадцать восемь лет, и с детства мне, как и всем остальным жителям, было известно, кому принадлежит этот дом.

Я приподняла брови, изображая изумление.

– Кому же?

– Торговой гильдии Велтона, госпожа Беллингслаузе.

От такого известия я воздухом поперхнулась.

– Да вы шутите! Но... но у меня же документы.

– Вот именно. С сегодняшнего дня дом вдруг принадлежит вам. Не подскажете, с чего такая милость?

– Подскажу, – я откашлялась. – Как выпускнице колледжа мне положена помощь Совета ведьм.

– И вы...

– Я попросила дом, – я поморщилась, осознавая, какая это была дурацкая затея. Знала же, что от ведьм хорошего не жди, но повелась на мотивирующие речи Уго. Посмотрела на картину и мысленно пообещала себе, что доберусь до книг с ритуалами изгнания духов.

– Вас не обманули, – развеселился Ригерлаш. Причину его веселья я постичь не могла и оттого бесилась еще больше. Еще чуть-чуть, и из ушей вполне мог пойти дым. – Дом вам теперь действительно принадлежит.

Точно. Как и проблемы этого дома.

– А что вы знаете о мужчине, которого нашли здесь?

– Только то, что он подпирал мою дверь, – съязвила я. – Но хотела бы знать и того меньше.

– Его зовут Патрик Бонке.

И офицер уставился на меня, явно пытаясь заметить какую-то реакцию на это имя. Я подождала минуту и вопросительно приподняла бровь.

– Кто он?

– Уважаемый человек, попечитель местного храма и дома милосердия...

Уго не сдержался и крякнул, но Ригерлаш сделал вид, что ничего не заметил. Я же будто одним местом почувствовала, что следует за такой великолепной характеристикой.

– ... и по совместительству противник ведьм.

– Кто бы сомневался, – буркнула я, без особого, впрочем, воодушевления. – И почему все уважаемые люди как один выступают против ведьм?

Офицер перестал улыбаться, и отчего-то я поежилась, хотя магов никогда ранее не боялась. Мужчина наклонился ко мне, оперся локтями о колени и серьезно сказал:

– Вы понимаете, госпожа Беллингслаузе, насколько странно это выглядит?

Я потеряла лоб и вздохнула. Выглядело это все и впрямь премерзко: Торговая гильдия отчего-то предоставляет мне дом, в него тут же является возмущенный Патрик Бонке и, конечно же, умирает. Интересно, кто бы мог его тут приговорить?

Не успела я смириться с мыслью о том, что ночевать придется в камере, вдруг заговорил Уго.

– А какова причина смерти этого вашего уважаемого человека, офицер?

Ригерлаш повернул голову в сторону портрета и скривился.

– Опять станете утверждать, что это голос в моей голове?

Но меня тоже заинтересовал вопрос Уго.

– Хорошо-хорошо, – подобралась я. – Это дух в моей картине. Имею право – я же ведьма. Но вы все же ответьте: какова причина смерти?

– Эксперт-лекарь еще не дал своего заключения.

– Вы же маг, – опять влез Уго. – Поэтому точно сделали какие-то выводы.

Ригерлаш поджал губы, но дух не унимался.

– И судя по тому, что вы все еще не заковали госпожу Беллингслаузе, Патрик Бонке или погиб по естественной причине, или вовсе до того, как моя подопечная получила документы на дом.

А ведь действительно! Я нахохлилась, сообразив, что офицер попытался сделать из меня дурочку. Ригерлаш тоже понял, что вертеть мной не получится (не в такой компании), а потому поднялся со стула, взял куртку и доверительно спросил:

– Госпожа Беллингслаузе, вам нужна помощь в изгнании духа?

– Нет! – прошипела я.

– Очень жаль, – я бы тоже расстроилась, что не удалось навешать на девушку всех собак. – Тогда вынужден откланяться. Вас вызовут в полицию для дачи официальных показаний, – Ригерлаш покосился на портрет матушки и поморщился. – Надеюсь, вы оставите картину дома.

А вот на это офицеру точно не стоило надеяться. Я подождала, пока за Ригерлашем закроется дверь, посчитала до десяти, чтобы офицер успел отойти от крыльца, и закричала, выпуская свою ярость. По комнате пронесся ветер, несколько мебельных чехлов стянуло с мебели, но зато и меня немного отпустило. Я опять могла вести себя прилично и даже немного рассуждать.

– Итак, – я повернулась к портрету, – Уго, оказывается, ты не так уж и прост.

Портрет молчал, но меня сейчас мало заботило его прошлое. Я прошлась по комнате, пиная крупный мусор и размышляя, как теперь быть. Не сразу опомнилась и шелкнула пальцами, заставляя метлу приступить к уборке. Обычно я так не делала и подметала самостоятельно и обычным веником – все ж таки прутья у метелки стираются и очень дорого стоят запасные, но сейчас нужно было что-то решать. Делая вид, что в уборке принимаю деятельное участие, я открыла окна. В разгар летнего жаркого утра ветра дожидаться было тяжело, но дышать стало легче.

– Уго, я знаю, ты меня слышишь.

Портрет молчал. По-видимому, тема прошлого дух тяготила.

– Мы можем сбежать?

Уго заворчал что-то, но все же дал четкий ответ:

– Нет, иначе будем под подозрением.

– Можно подумать, мы сейчас вообще вне их.

Я фыркнула и решила посмотреть, что еще приготовили для меня ведьмы. Для прогулки по дому взяла с собой портрет – иногда нужен совет и от идиота. Особенно когда выяснилось, что Уго так успешно им притворяется.

Дом оказался совсем небольшим: прихожая, кухня, ванная и две комнаты на первом этаже. Сначала я расстроилась, но позже обнаружила лестницу на чердак и решила, что, если убрать весь сваленный мусор, у меня появится отличная спальня. А на первом этаже вполне

можно оборудовать кабинеты. Хотя о чем это я? Сначала один кабинет, а уже потом, когда найму работников...

Чуть не задохнулась от открывающихся перспектив, как вдруг Уго опять заговорил, прерывая мои счастливые фантазии.

– Когда ты общалась с ведьмами, они как тебе дом решили дать? С удовольствием или без?

Я рассказала подробности встречи с Советом ведьм. Дух выслушал и недовольно подытожил:

– Только у меня ощущение, что ведьмам очень хотелось, чтобы труп обнаружили?

– Не нахожу логики, – настроение у меня опять начало портиться, и картины чудесного будущего померкли. – Тогда отдали бы мне этот дом и не ставили никаких условий.

– Это было бы очень подозрительно, – не согласился Уго. – Хотя вряд ли Совет ведьм это могло озаботить. Самый сложный вопрос во всем этом недоразумении: причем здесь Торговая гильдия? И дом им принадлежит, и мужик, которого ты должна соблазнить, там же служит.

Мое выражение лица в этот момент можно было описать формулой: услышала, возмутилась, желает убить.

– Я никого не должна соблазнять!

– А, да? – невинно удивился Уго. – Странно, ведь это самый легкий способ расстроить помолвку.

– Зельем опою, – прошипела я. – Прокляну на крайний случай, но уж точно не буду в постель ложиться.

– Ну да, ну да, – дух закрыл эту тему, а меня смутила его неожиданная покладистость. – Наверное, нужно сходить в Торговую гильдию разведать обстановку?

– Сейчас мне нужно спать, – не согласилась я. – А уже потом я навещу Торговую гильдию, но даже не надейся, что пойдешь со мной.

Спала я на старом матрасе, который отыскала в одной из комнат нового дома. Он пах мышами и навевал дурные сны, но выбирать было не из чего. Проснулась я вечером и, несмотря на обещание, данное Уго, принялась за уборку.

Разобрала мебель, спрятанную под чехлами, и недовольно скривилась. Что-то, как например, стулья, можно было использовать, но большая часть вещей оказалась откровенной рухлядью. Как вам, к слову, фортепиано с выломанными клавишами и порванными струнами? Какой изверг вообще это совершил? Явно же, не мыши грызли железные струны.

Для того чтобы вынести весь мусор, мне нужно было или нарастить мускулы, или нанять грузчиков. Первое было проблематично, второе – дорого, а потому я решила вспомнить о том, что являюсь дипломированной ведьмой, и отряхнула котелок.

Плюс ведьминского котелка в том, что греется он без огня, а значит, костер посреди комнаты разводить не пришлось. Я бросила в котел необходимые травы, попутно отметила, что окопник и мятлик заканчивается, и подождала, пока зелье закипит. Мне нравился этот момент: помешивая длинной деревянной ложкой варево, формулируя заклятье, да еще и при свете свечей, я выглядела в высшей степени загадочно.

Формула временных ног

Для тех, кто бегать не мог.

Ведьмы желанье исполнит...

Задумалась над рифмой, но что-то в голову ничего подходящего не приходило, а зелье ждать не могло, и я махнула рукой.

Бездушное вновь успокоит.

Если у магов все стабильно, они пользуются одними и теми же заклинаниями всю жизнь, и только сильнейшие могут придумать что-то новенькое, то сила ведьм намного пластичнее.

Зная свойства трав, камней, деревьев и прочих ингредиентов и используя каждый раз новые заклятья, мы можем очень многое. Нет, есть какие-то общие ритуалы, как например, вызов Совета ведьм, но их намного меньше, чем ведьмовская фантазия.

Это заклинание было коротким, простеньким, но мне ничего и масштабного не требовалось – всего лишь, чтобы мусор самостоятельно добрался до следующего места своего обитания. Я обрызгала кучу старой мебели зельем и отправилась на улицу. Первым за мной выпшгивало пианино, которое в дверь пролезало боком, следом спешил продавленный диван, на котором разместились мешки с мусором, а после катилась, бежала, ползла всякая мелочь.

Недолго я радовалась, что так хорошо все придумала. Осознание того, что я вообще-то на центральной улице теперь живу, пришло в тот момент, когда я встретилась взглядами с проходжей леди. Леди была престарелая, прекрасно одетая и очень ошарашенная мной и моим сопровождением. К слову, она держала в руках зонтик, хотя на дождь не было и намека. Я посмотрела по сторонам, удостоверилась, что вечером по центральной улице любят гулять многие, и мысленно застонала. Не так, ой не так мне хотелось объявить горожанам, что по соседству с ними поселилась ведьма.

– Добрый вечер, – с обворожительной улыбкой обратилась я к леди, которую увидела первой. – Позвольте задать вам вопрос.

Леди приоткрыла рот и замерла. Не знаю, то ли это ее обыкновенная реакция, то ли она не думала, что я умею разговаривать. Я досадливо одернула пыльный фартук и попыталась еще раз.

– Вы не знаете, где здесь мусорка?

У женщины явно задергался глаз, и я даже заперезживала:

– Вы себя хорошо чувствуете? Выглядите не очень.

Леди совсем неожиданно взвизгнула и взмахнула зонтиком.

– Да как ты смеешь!

Я мысленно повторила все слова, которые произнесла ранее, ничего криминального не усмотрела и удостоверилась в том, что женщина больна. К нам направились несколько прохожих, по-видимому, чтобы поучаствовать в обсуждении здоровья старушки.

– Вам бы лекаря вызвать, – посоветовала я. – Вспышки агрессии, странная мимика...

Леди возмущенно взревела. Такого низкого голоса я от нее не ожидала и потому сделала совсем не обычный вывод.

– Не подходите! – закричала я, останавливая равнодушных прохожих, и бросилась прятаться за пианино. – В ней демон!

Люди отшатнулись, а леди обескуражено заморгала.

– Почему демон-то? – обычным дрожащим голосом поинтересовалась она. Я выглянула из-за пианино. Инструменту-инвалиду уже все равно, а я с демонами только на страницах учебников встречалась.

– Все симптомы налицо! – поясняла я не для леди, а мужчинам-прохожим, которые не понимали, что происходит. – Она кричит не своим голосом, лицо дергается и мнется как глиняное. Я советую вам вызвать стражников, сами не справимся.

От группы прохожих отделился высокий мужчина с намечающимся пузиком. Я прищурилась, чтобы лучше видеть в сумерках, и без особой радости обнаружила, что к нам идет мэр города – Марк Кафлиц.

– Мама? – удивленно воскликнул он. – Что происходит?

В руках мэра держал два рожка мороженого, и я поняла, что мамулю он оставил ненадолго, и госпожа Кафлиц явно не могла за столь короткий срок обзавестись демоном. А это значит...

– Марк, она меня оскорбила!

– Кто? – мэр посмотрел по сторонам. Меня не заметил, но отзывчивые прохожие мигом подсказали, о ком идет речь.

– Она! – на меня показали сразу несколько человек.

– Я никого не оскорбляла! – я вышла из-за пианино и задрала подбородок повыше. – Я лишь спросила, где здесь мусорка!

– И ты считаешь, что я в курсе?! Что мне там делать?! – взвизгнула госпожа Кафлиц.

– Я вас впервые вижу, – возмутилась я. – Просто задала вопрос, если вы не знаете ответ, об этом можно сказать. Мысли я, к сожалению, читать не умею!

– А демон? Ты сказала, что во мне сидит демон! И вообще говорила всякие гнусности о моем лице.

– Обозналась, – я почувствовала, что начинаю дрожать то ли от гнева, то ли от страха. Немудрено было испугаться: мэр смотрел на меня как-то очень кровожадно. – Но в качестве извинений готова провести для вашего лица несколько приятных процедур. Скоро здесь откроется кабинет красоты.

Не знаю, сколько пар глаз посмотрели на мой дом с темными окнами, на сломанную старую мебель, столпившуюся за мной, но на лицах всех прохожих, в том числе и мэра, отразилось сомнение.

– Делаем ремонт, – с тяжелым вздохом сказала я в пустоту. Нет, первое знакомство точно оказалось не положительным.

– Стоп! – рявкнул мэр. – Вы вообще кто?

Я поморщилась как от зубной боли – говорить свое имя отчаянно не хотелось. Имелись подозрения, что тогда господин Кафлиц вспомнит о нашем знакомстве и каждому красочно расскажет, как меня вышвыривали из его кабинета. Потому я поправила порядком растрепавшиеся волосы, высокомерно взглянула на мэра, а затем на его мамашу и уверенно сказала:

– Мое имя вам ничего не даст.

Решила обезопасить будущее место сбора денег и добавила:

– А имя владелицы слишком известно, чтобы я его здесь каждому называла. Всего доброго.

Я сделала несколько шагов к дому и вспомнила, что нужно что-то делать с мусором. Посмотрела на пианино и определила его в этом безумии предводителем.

– Ищите мусорку! – заявила я и решительно зашагала к дому. Хорошо, что толпа не проронила ни звука, иначе от нервов я могла и побежать.

Глава 4

Утром я проснулась оттого, что рядом громко разговаривал Уго. Мерзкий дух на какое-то время вышел из картины, перенес ее в комнату, где я спала, и влез обратно. Все для того, чтобы я не пропустила его гениальные мысли.

– Я придумал повод, чтобы явиться в Торговую гильдию.

Я отрыла глаза. За окном было светло, но летом светло почти всегда, так что приступ красноречия на Уго мог напасть и в четыре часа утра.

– Разумеется, озвучу я его, если ты пообещаешь взять меня с собой.

Я повернулась на продавленном матрасе и посмотрела на картину. Спина болела так, будто ночь я провела на досках, хотелось хоть немного времени, чтобы восстановиться.

– Уго, я знаю, что после смерти многие души не могут упокоиться, потому что сходят с ума. Мне кажется, ты это как раз тот самый случай. Вот как ты представляешь: пришла в Торговую гильдию с картиной. Что обо мне подумают?

– Мы представим меня твоим адвокатом, – в голосе Уго прозвучала такая надежда, что меня опять посетили подозрения насчет его прижизненного занятия, но озвучивать я их не стала, понимая, что дух опять замкнется.

– Разве адвокаты могут быть мертвыми?

– В законе об этом ни слова не сказано, – дух ответил так быстро, будто только что в учебнике прочитал. – А раз запрета нет, значит, теоретически...

– Хватит, – я встала с матраса и потянулась. В спине что-то хрустнуло. – Хоть в качестве адвоката, хоть в качестве дурного духа в Торговую гильдию со мной ты не пойдешь.

– По какой причине? – то есть Уго еще и протесты вздумал заявлять? Я так разозлилась, что в ответ нескромно рявкнула:

– По причине здравого смысла.

Уго обиженно замолчал, так что я получила возможность принять душ в тишине. Формально. Душем не пользовались долго, и трубы сильно заржавели. Минут десять пришлось ждать, пока из оранжевой вода превратится в прозрачную, а в остальные десять минут дух перестал обижаться, и тишина прекратилась. Я не прислушивалась, но возмущенный фон, который всячески распространял Уго, съел все удовольствие от процесса купания. Но, болтая, дух выдал свою идею: в Торговую гильдию мне нужно попасть, чтобы получить лицензию. Ремонт в доме я могла делать и без нее, но повод был очень даже неплохой.

Я вышла из душа, и передо мной во всей красе встал вопрос: что надеть. Вообще гардероб ведьмы призван решать три задачи: отвлечение, соблазнение, устрашение, – но мои платья могли лишь вызывать смех. Приобретены они были еще до поступления в колледж, во время обучения мы носили форму, и модниц в Велтоне явно удивить не могли. Следовало посетить швею, но как скоро она сможет сделать мой заказ? Не выйдет ли так, что Торговую гильдию в новом платье я смогу посетить аккуратно на свадьбу ее главы?

Я тяжело вздохнула и натянула то платье, которое приходилось носить реже всего. Зеленое. С бантиком. Ненавижу зеленый цвет и бантики всех мастей.

– Ты к швее? – непонятно почему обрадовался Уго. – Попроси ее изготовить что-то эффектное, что-то такое, чтобы вся Гильдия поняла: ведьма открывает свое дело.

На зеркало я оглянулась хмуро и со скорбью. По моему платью нельзя было даже понять, что я ведьма, а потому метлу решила взять с собой. Как доказательство, а то вдруг глава Торговой гильдии подслеповат, глуховат да еще и туповат до кучи. Помимо метлы я взяла с собой несколько экземпляров зелий для лица, которые сложила в большую сумку. Уго смотрел на мои сборы с подозрением: на портрете появился призрачный глаз, страдающий косоглазием.

– Почему ты берешь к швее все эти скляночки? Ты хочешь заколдовать ее, чтобы сшила платье бесплатно? Хороший выбор, но не уверен, что это законно. Не забудь замести следы.

Я громко вздохнула, но не прервала словоблудие духа, и он продолжил:

– Ни на что не намекаю, но лучшим способом избавиться от доказательств является смерть, – Уго многозначительно поморгал единственным видимым глазом. – Сама решай, кто должен умереть.

Я взяла сумку в правую руку, метлу – в левую и толкнула дверь ногой. Она со скрипом открылась, но не зафиксировалась, а отправилась обратно, и в этот краткий миг я выскользнула на улицу, успев крикнуть Уго:

– Я в Гильдию.

Дух взвыл, но сделать уже ничего не мог. Я хохотнула смехом номер пять из арсенала ведьм, а именно «смех злобный, укороченный», и только тогда заметила полицейского. Он стоял сбоку от крыльца и явно ждал меня. Молодой, долговязый, с густой челочкой и выбритым затылком, а смотрел-то как! Будто я уже в отделении за решеткой сидела. Взгляд многое может сказать о человеке, и вот об этом конкретном сержанте я поняла главное: он мне не нравится.

– Молодой человек, с такими прыщами, как у вас, я бы делала лицо попроще, – громко сказала я. Сержант удивленно моргнул, но высокомерное выражение пропало.

– Ведьма?

– Госпожа Беллингслаузе, – поправила я. – Что вам нужно?

– У меня для вас повестка, – полицейский протянул мне узкую полоску серой бумаги, по которой изредка пробегали фиолетовые искорки. Я с неудовольствием взглянула на нее, но брать в руки не стала. – Вы должны явиться в отделение.

– Когда?

– Прямо сейчас! – сержант хитро улыбнулся. Я кивнула и села на метлу.

– Нет, мне это не подходит.

Полицейский растерялся. Даже по сторонам посмотрел, словно хотел призвать свидетелей моей наглости, но будний день, утро – улица пустовала.

– То есть как это? Но ведь вы... обязаны.

Руки были заняты, хотя очень хотелось покрутить пальцем у виска.

– Молодой человек, вы, наверное, недавно работаете, а потому не знаете, что сначала нужно отдавать повестку, а потом сообщать, что это она. Раз я в руки бумагу не взяла, значит заклинание не подействовало, и жгучего желания пойти с вами в отделение у меня не появилось. Так что до сви-да-ния, – я широко улыбнулась. Хотела было громко засмеяться, но решила, что оставляю это на другой раз.

Я улетала, а сержант смотрел мне вслед, широко раскрыв рот. Повестка выпала у него из рук и взлетела даже быстрее, чем это сделала моя метла.

В городе я жила уже пару месяцев и, где принимает лучшая в городе швея, безусловно, знала. А лучшая почему? Потому что единственная, и госпожа Тиллер этим бессовестно пользовалась: завышала цены, задерживала выполнение заказов. Все, у кого имелась возможность, заказывали платья в соседних городах, но у меня ее не было.

Несмотря на ранний, час ателье было полно людей: помощницы обмеряли сразу трех девушек, целые группы поддержки одобрительно охали даже без повода. И все присутствующие были настолько претенциозно одеты, что я в стареньком платьице с огромной сумкой и метлой выглядела, мягко говоря, белой вороной.

За мной хлопнула дверь, внося посторонний звук в милое воркование, и все представительницы женского царства, желающего хорошо выглядеть, обернулись. Обернулись и замерли, вытаращив глаза, словно голодные чайки на рыбину. Не меньше двадцати девиц с одинаковыми прическами и в разноцветных однофасонных платьях смотрели на меня и словно бы ожидали

повода, чтобы броситься. Следовало забросить хоть какой-то корм в их обезображенные модой головы.

– Добрый день. Мне нужна госпожа Тиллер.

– Ведьма? Это же не ведьма? – волной зашуршали предположения. – Не похожа. У нее есть метла?

– Тиллер, – напомнила я, повыше приподняв подбородок. К негативной реакции на свое появление привыкла еще с детства – ведьма я чистокровная, и с мамой даже в булочную нельзя было пойти без того, чтобы нам пообещали адские муки. – Где швея?

– Маэстро швейного искусства! – из глубины девичьего царства вперед шагнула импозантная дама в таком открытом платье, что оно точно решало не одну задачу гардероба ведьмы. – Швейи – это вот, – женщина пренебрежительно махнула на помощниц, собирающих юбками пыль. – А я создатель моды.

– Приятно познакомиться, – хмуро солгала я. Госпожа Тиллер мне резко не понравилась, начиная от седых волос, уложенных идеальными колечками, до экстремально высоких каблучков на ярко-красных туфлях. – Мне нужно заказать у вас несколько платьев.

– Разумеется, – госпожа Тиллер мерзко хихикнула, и почти все девицы ее поддержали. – Мое ателье знает каждая девушка в городе – от ведьмы до супруги мэра.

Виски сдавило. Момент, который происходил сейчас, мне словно бы пришлось проживать не единожды: во время учебы в колледже попыталась было заказать в одном из ателье платье, но те швейи из прошлого, так же называющие себя громкими словами, осмеяли меня. Вот только я уже не была испуганной девчонкой, стесняющейся своего дара, а потому так широко улыбнулась, что кажется продемонстрировала зубы мудрости. Те девицы, что поумнее, отошли назад и прекратили хихиканье, но глупых оказалось больше. Запомнила их на тот случай, если они пожелают изменить свою внешность.

– Кому я могу озвучить свои пожелания?

Госпожа Тиллер подошла ближе, грациозно покачивая широкими бедрами, и осмотрела меня, поджимая губы.

– Неплохие данные, конечно. Думаю, смогу с этим работать. Эй, десятая Тиль, пойдись сюда.

К нам подошла симпатичная девушка, такая худая, что, уверена, под определенным углом она могла просвечивать. Глаза в пол, и в руках испуганно вертит ленту для снятия мерок. На меня даже не выделили опытную швею, ну что ж.

– Сними мерки с этой... ведьмы.

Я приподняла бровь – на мой вопрос так и не ответили. И так нарочито, что оставить это без внимания было невозможно. Десятая Тиль приложила ко мне ленту, а я мило улыбнулась и отвела ее руки.

– А у вас плохая память, госпожа Тиллер, я права?

Маэстро швейного мастерства медленно повернулась. Те из ее подчиненных, что уже прекратили наблюдать за представлением и приступили к обязанностям, замерли и вжали голову в плечи.

– Вы так считаете, ведьма?

– Конечно, – я мысленно посокрушалась насчет того, что платья мне не видать. – Своим помощницам раздали номерки вместо имен и через пять секунд уже забыли о моем вопросе. Но я не гордая, повторю: кому могу озвучить свои предпочтения?

– Мне ваши предпочтения ни к чему, – фыркнула госпожа Тиллер. – Какой вкус может быть у ведьмы? Я здесь придумываю платья сама, и пока еще никто не остался недовольным.

Я скептически посмотрела на толпу девиц, которые слушали скандал, затаив дыхание.

– Ну судя по тому, что все одеты одинаково, вкус у вас тоже не очень-то хорош. Открою секрет, если вы изменили цвет платья, фасон от этого нисколько не поменялся.

Лицо госпожи Тиллер побагровело, а глаза чуть ли не вылезли из орбит. Весь напущенный лоск мигом слетел, и именитая швея стала похожа на обычную торговку с рынка. Женщина уперла руки в боки, набрала побольше воздуха в легкие, но только открыла рот, как кто-то хрюкнул – то ли испуганно, то ли весело. Естественно, момент надвигающейся бури был безвозвратно испорчен, и все мы уставились на десятую Тиль, которая посмела издать неразрешенный звук.

– Уволена! – холодно произнесла госпожа Тиллер, и девушка пошатнулась. Представляю ее ощущения: найти работу швеей в этом городе попросту невозможно. Я ощутила жалость и не успела даже толком поразмышлять, как сказала:

– Нет уж, это она от вас уходит.

– Куда это? – скривилась госпожа Тиллер. Логичность явно не ее конек.

– Будет работать у меня! – десятая Тиль охнула, но ничего против не сказала, за что я была очень благодарна – возмись она отказываться, и лицо бы я потеряла. – По ней видно – порядочная и талантливая. Нечего ей делать в этом месте.

– Почему? – задала вдруг вопрос одна из девиц, что пришла на примерку.

Я развернулась на каблуках и обличительно ткнула пальцем в один из нарядов, выставленных в качестве примеров.

– Здесь все несвежее: идеи, манекены, ткани и даже вы! – вновь посмотрела на госпожу Тиллер и ядовито выплюнула: – Просроченная женщина.

Ой, что началось. Госпожа Тиллер кричала, топала, бросала в меня всем, что попало под руку, даже одну из стройных Тиль схватила, но не смогла поднять. Я хотела смехом номер десять – унижающим, посетительницы визжали и разбежались – одно мое посещение нанесло госпоже Тиллер убытки.

Я напоследок увернулась от летящей в мою голову шкатулки с нитками и покинула ателье, хлопнув дверью.

Не будь я черной ведьмой, решила бы, что на меня проклятие наложили, потому что Торговая гильдия тоже встретила меня неприветливо.

– Неприемный день, – твердила мне грудастая секретарша, на чьем лице не было заметно ни единого проблеска мысли.

– Но мне очень надо, – хныкала я, посматривая в сторону двери с табличкой «Глава Торговой гильдии». Словно сама судьба указывала пальцем на место, в которое мне необходимо попасть. – Хотите, я сделаю вам скидку на услуги красоты? Что вы желаете? Чистка лица?

Секретарша скривилась, а я поморщилась, поняв, что дала маху. Лицо у красотки и без моей помощи было чистое и нежное. Хоть обливай ее зельем для прыщей, честное слово. Кстати, у меня вроде бы имеется с собой одно такое...

– Еще губы могу увеличить, – забросила я еще одну удочку, а вместе с тем принялась искать в сумке средство для порчи чужого лица. Секретарша встрепенулась.

– Правда? И сильно увеличите?

Я задумалась, прикидывая, как бы половчее соврать. Просто увеличением губ интересовалась одна моя подруга, и зелье тогда не очень-то удалось... Но ошибку свою я вроде бы поняла и согласна средство доработать.

– Будут как у утки, – призналась я. – Но это временный эффект.

– Нет, как у утки не хочу, – секретарша опять поскущнела. – Мне бы чуть-чуть верхнюю...

– Значит, увеличим на чуть-чуть! – согласилась я, решив, что к моменту открытия кабинета смогу что-то придумать. – Пустите, а?

– Да нет его там, ушел куда-то.

Словно не соглашаясь со словами секретаря, за стеной кто-то закашлялся, а после еще и уронил что-то тяжелое. Я скептически посмотрела на девушку. Ее наглая ложь мне категорически не понравилась, так что я сбросила маску вежливости.

– А за вранье идеальную кожу можно и испортить. Сейчас как брызну зельем, и обрастешь прыщами.

– А ты попробуй, – секретарша встала из-за стола, расправила спину, и вдруг оказалось, что она на голову выше меня да еще и довольна широка плечами. Плескать зелье ей в лицо как-то резко перехотелось. – Проверим, хватит ли тебе здоровья.

Девушка тяжело размахнулась, я испуганно ойкнула и приняла единственно верное в этой ситуации решение: развернулась и бросилась в кабинет, неуклюже прижимая к груди открытую сумку. Сляканы с зельями гремели, звенели, секретарша закричала, но задержалась, чтобы обойти стол, а у меня появилась возможность ворваться в кабинет. Я мигом закрыла за собой дверь и даже навалилась на нее, но что-то никто не пытался сместить меня с занятого места.

Более того, из приемной донеслись визги и странные звуки, похожие на... удары ложиной? С любопытством я боролась хуже, чем с отчаянными секретаршами, а потому приоткрыла дверь и посмотрела в щелочку. Оказалось, что метлу я оставила в приемной, и, скорее всего, обиженная на меня девица, пробегая мимо, решила ее схватить. А метла моя не просто веник с палкой. Она, можно так сказать, душой обладает. Как Уго почти, только характер у нее раза в три хуже.

В общем, метле небрежное обращение не понравилось, и сейчас она гоняла секретаршу по приемной.

Я облегченно выдохнула, осторожно прикрыла за собой дверь и тогда только обернулась. На меня, пребывая в полном недоумении, смотрел милого вида старикашечка. Я быстро огляделась: полки, книги, куча папок с документами, стол с огромным широким креслом – кабинет как кабинет, даже фигурки какие-то стоят. Ну точно: кабинет Главы Торговой гильдии, хозяин кабинета – вот он, хватай и... расторгай помолвку. Старичок стоял у полок и никуда уходить не собирался. Я приободрилась и двинулась на главу Торговой гильдии, удерживая на лице фальшивую улыбку.

– Доброе утро! Рада вас видеть!

– И я, – радости на лице старика никакой не было. Напротив, он даже попятился.

– А секретарша уверяла меня, что никого в кабинете нет.

– Ну, кто-то все же есть.

– Да, – я старательно нашаривала в памяти имя человека, которому должна испортить помолвку, и не получалось. Потому решила по тонкому льду не ходить и по имени главу Торговой гильдии не называть вовсе. – Я Франциска Беллингслаузе, и у меня к вам очень важное дело.

– Вы уверены, что ко мне? – я наступала, старичок отступил за стол и схватился за кресло, словно собирался от меня им отбиваться. – Может быть, подойдет кто-то другой?

– Ох, прочь сомнения, – я неосторожно грохнула сумкой об стол, и бутылочки обиженно зазвенели. Старичок выглядел испуганным, и я решила, что пора сбавить обороты. – Вы не подумайте, я не всегда такая возбужденная, просто ваша секретарша – хамло.

Глава Торговой гильдии вконец оторопел, упал в кресло и прижал к груди руки.

– Милочка, но как же так, у меня нет секретарши?

Я прислушалась. В приемной уже воцарилась тишина, но не привиделась же мне грудастая девица?

– То есть как?

– Да вот так, – старичок достал из кармана платок и промокнул вспотевшую лысину. – У меня только секретарь.

Я ахнула и сама ощутила потребность вытереть пот со лба.

– То есть эта злобная девица – мужчина?

– Не понимаю, о чем вы говорите, – признался старичок. – Давайте мы пройдем ко мне в кабинет и все там спокойно обсудим.

Мне резко захотелось сесть. Я вообще уже не понимала, что происходит, и нуждалась в помощи.

– Прошу прощения, а это чей кабинет?

– Мой!

Голос послышался от двери. Был он грозен, и потому оборачиваться мне не хотелось. Старичок в кресле Главы Торговой гильдии наоборот приободрился.

– Господин Кромберг, прошу прощения, я просто не успел объяснить девушке, что это не мой кабинет.

Ну что ж, в конце концов у людей на лбу имена не написаны, я Гильдию посетила в первый раз и вполне могла ошибиться. Но, несмотря на мантру, гадливое чувство сожаления из-за ошибки настроение подпортило.

– Разумеется, господин Дох, тяжело это сделать, сидя в моем кресле, – заметил Кромберг. Он обошел стол, и я наконец смогла увидеть мужчину, у которого скоро сорвется помолвка. Увидела и вконец расстроилась: он был хорош. Настолько хорош, что мои мысли о добром деле для Герти Кафлиц вмиг рассеялись – она точно не скажет спасибо за разрыв помолвки.

Дэниел Кромберг выглядел как идеал мужчины: высокий, настолько широкоплечий, что казалось, обнимет и расплющит, с карими серьезными глазами и длинными волосами, заправленными за уши. Но, приглядевшись внимательнее, я все же сделала вывод, что узкие губы и тяжелый подбородок выдают человека упрямого и жесткого, а потому Герти Кафлиц просто должна осознать свое спасение в моем лице.

Господин Дох уступил кресло владельцу и с неудовольствием посмотрел на меня.

– Я ждал вас, господин Кромберг, может быть, мы закончим обсуждением моего вопроса по приватизации...

– Конечно, – Кромберг сел в кресло и сложил руки на столе. Атмосфера в кабинете становилась гнетущей, и мне не хватало воздуха. – Заканчиваем обсуждение, я говорю – нет.

– То есть как это?! – взвизгнул старик, но Глава Торговой гильдии лениво повернул голову в его сторону, и визг сошел на нет.

– У меня посетитель, – спокойно сказал Кромберг, но в голосе его слышалась такая угроза, что даже я похолодела. – Обдумайте аргументы и возвращайтесь с ними.

Дох повернулся на каблуках и бросился к двери. Кромберг подождал, пока он возьмется за ручку, и добавил:

– Если аргументов будет недостаточно, даже не пытайтесь вернуться. Не стоит.

Старик выскочил в приемную, а Кромберг перевел на меня тяжелый взгляд. В кабинете воцарилась тишина, которую я боялась нарушить минут пять, так и застыла, глядя куда угодно, только не на Главу Торговой гильдии, который уже не восхищение у меня вызывал, а необъяснимые опасения. Следовало на что-то решаться.

– Меня зовут госпожа Беллингслаузе, – мрачно сказала я.

Кромберг задумчиво кивнул, словно подтверждал: да, вас именно так зовут.

– Я ведьма, и хотела бы открыть в Велтоне кабинет красоты.

Мужчина опять кивнул, поощряя меня продолжать. Я приободрилась.

– Помещение у меня имеется, необходимые знания и навыки тоже, могу показать диплом колледжа. По зельеварению у меня отличные оценки...

Я увлеклась, рассказывая о том, какая молодец, какой замечательный выйдет кабинет красоты, но могу оправдать это высокой степенью нервозности – меня пугал мрачный взгляд Кромберга, который от секунды к секунде становился злее.

– Госпожа Беллингслаузе, – мужчина прервал меня на самом интересном месте. – А по какому праву вы напали на моего секретаря?

– Я?! – в своем возмущении я была искренней. – Возмутительный поклеп. Пальцем к ней не прикоснулась!

Кромберг откинулся на спинку кресла, а я сложила на груди руки.

– То есть это не ваша метла гоняла хрупкую девушку по приемной, пока я ее не обезвредил?

– Ничего себе хрупкая девушка! – я задохнулась от возмущения, но тут же осознала смысл всех слов Кромберга. – Постойте, что вы сделали?!

Я бросилась вон из кабинета на помощь верной подруге. Она оказалась цела, но связана заклинанием. В сумке у меня имелся нейтрализатор, но вернуться в кабинет за ним не вышло – дверь была заперта.

– И как это понимать?! – спросила я у секретарши. Лохматая, исцарапанная жесткими прутьями, она смотрела на меня еще злее Кромберга, но драться уже не спешила.

– Неприемный день! – прошипела секретарша и показала язык. Я была настолько возмущена, что достойного ответа не придумала. Погрозила метлой и пообещала:

– Я завтра еще приду, поняла?

– А завтра здесь очередь будет. Не пройдешь! – злорадство в голосе секретаря было настолько осязаемым, что моя метла слабо дернулась, но порвать путы заклинания не смогла.

– Посмотрим!

Для вящего подтверждения угрозы я напоследок применила смех под номером пять.

Глава 5

После Торговой гильдии я отправилась на поиски плотника и обсудила с ним новую мебель. По его же рекомендации договорилась с бригадой для небольшого ремонта да и посетила несколько лавок, чтобы закупить продукты и мелочи, необходимые сердцу и будущему кабинету красоты.

К вечеру монет, выданных ведьмами, стало намного меньше, а я озверела. Все дело в том, что заклинание, которое наложил Глава Торговой гильдии на метлу, не ослабевало, и передвигаться между лавками пришлось пешком. Так что домой я возвращалась с множеством пакетов, с метлой на плечах и отвратительным настроением, которое нашло отражение на моем лице. Можно было нанять экипаж, но я и так слишком уж потратилась.

Когда я подходила к дому и мечтала о том, как смогу отдохнуть, наперерез мне бросился ребенок. Вернее, это я так в первый момент решила, а когда остановилась и пригляделась, обнаружила перед собой десятую Тиль. Девушка явно нервничала: ломала руки и кусала губы. Я даже отступила, вполне справедливо полагая, что мне пришли мстить за увольнение.

– Эм, ты что-то хотела? – осторожно спросила я, потому что первой начинать разговор десятая Тиль боялась. Как выяснилось, отвечать ей тоже было страшно.

– Я на работу пришла, госпожа ведьма, – прошептала девушка.

Я помолчала, ожидая продолжения.

– Так иди дальше, какое отношение я имею к работе швеи?

– Вы же сказали, что берете меня.

Мысленно отвесила себе оплеуху – нашлась тут благотворительница. Саму недавно с работы уволили, а уже персонал набирает.

– И правда сказала? – поморщилась я. – Ты знаешь, наверное, я погорячилась.

Глаза у Тиль были огромные, и она этими самыми глазами бессовестно пользовалась. Напустила грусти во взгляд, нагнала слез, для пушного эффекта губы ее задрожали, и девушка сказала:

– Да... Ну что ж, я подозревала, что не может все быть так хорошо...

Я неопределенно пожала плечами и неловко улыбнулась. Двинулась было к дому, но услышала:

– Так надеялась... Пойду ночевать под мост.

Спина моя окаменела. Я сжала зубы, уговаривая себя идти домой, но не стерпела – Тиль словно знала, на что надавить.

И дело было совсем не в этом треклятом мосте. Просто материнский инстинкт у меня проснулся как-то слишком уж рано, за долгие годы до того, как я вообще подумаю о рождении детей, и портил жизнь еще во время учебы в колледже. Я с тоской вспомнила слабую Эмму, которую опекала, Анну, которой помогала увеличить собственный потенциал, и решила, что теперь к ним добавится еще и эта Тиль.

– У меня нет денег, – заявила я, развернувшись. – Вернее, есть, но мало. Пока открою кабинет, пока заработаю авторитет. Это может затянуться.

– Может, – с готовностью закивала Тиль. – Но уже несколько дам хотят попасть к вам на прием.

Я удивленно приоткрыла рот.

– А эти дамы присутствовали при нашей с госпожой Тиллер ссоре?

– О да, – Тиль повеселела, по-видимому, вспомнив момент своего увольнения. – Еще больше, уверена, узнают об этом из сплетен.

Я почти уже сдалась, и ушлая девчонка это понимала, но следовало хотя бы создать видимость строгой ведьмы.

– Что ты умеешь делать?

– Я хорошо шью, правда, – заверила она меня. – И все необходимое для шитья у меня имеется. Так что платья у вас будут отличные – гораздо лучше тех, что делает госпожа Тиллер.

– Даже мешок из-под картошки лучше ее платьев, – пробурчала я и тяжело вздохнула.

– Еще я вкусно готовлю кушать. Супы, горячее, салаты!

Это уже звучало соблазнительнее.

– И мне совсем негде жить...

– Ну что ж, пошли.

Тиль шустро выхватила из моих рук несколько пакетов и уверенно направилась к моему дому. Слишком уверенно, как по мне.

– Ой, госпожа ведьма, – достигнув крыльца, девушка резко остановилась. – Для вас здесь подарок.

– Глупость какая, – фыркнула я, но поспешила, надеясь, что Глава Торговой гильдии решил вернуть сумку. На пороге действительно стояла небольшая коробочка, перевязанная зеленой ленточкой, миленькая, вроде бы без магических искорок, но вот некому мне было дарить подарки и все тут. Потому я перешагнула ступеньку, на которой стоял подарок, и открыла дверь.

– Вы не посмотрите? – удивилась Тиль.

– Нет, – я равнодушно пожала плечами. – Пусть стоит.

– Но ведь интересно же, – девушка растерялась. Я хитро улыбнулась и сказала:

– Так открой, если интересно.

– Я?

– Конечно. Разрешаю забрать все, что там лежит.

Девушка мигом опустила пакеты на землю и схватила коробочку. Даже пальцы у нее мелко подрагивали, а я с кровожадным умилением наблюдала за процессом распаковки. Занял он немного времени – и вот уже Тиль держит в руках узкую бумажку.

– Записка, – разочарованно протянула девушка. Судя по ее виду, она ожидала увидеть не меньше, чем бриллианты.

– Открой-открой, – радостно подсказала я. Радостно потому, что уже ясно видела фиолетовые искорки и догадывалась, что за сообщение в письме.

– Явиться в отделение... Ой, – Тиль как по команде выровнялась и испуганно на меня посмотрела. – Что происходит?

Говорила и одновременно разворачивалась, чтобы сиюминутно отправиться в отделение. Не знаю, где оно находится, но надеюсь, что далеко.

– Будет тебе уроком – не хватай ничего незнакомого. Особенно рядом с жилищем ведьмы, – Тиль шла как-то боком, пытаясь смотреть на меня. Я помахала ей ручкой. – К ужину не жду, постарайся вернуться попозже.

Часть пакетов я оставила в прихожей, а часть перенесла на кухню. Пока разбирала покупки и решала, что из купленного съем сразу, а что оставлю на потом, хитрый Уго выбрался из картины и перенес ее поближе.

– А где эта девчонка? Неужели прогнала?

Я слишком уж погрузилась в разбор покупок и от противного каркающего голоса чуть не получила скидку на незапланированную смерть. Прежде чем ответить, пришлось отдышаться.

– Я правильно понимаю: это ты посоветовал ей сказать про мост?

– А кто ж еще, – оскорбился Уго. – Она глупа как твоя метла, ни в жизнь бы не догадалась, на что давить.

– Точно! Метла! – встрепенулась я и бросилась снимать заклинание с метлы. Нейтрализующее зелье подействовало, и моя верная подруга перестала быть недвижимой. Я вернулась

на кухню и принялась нарезать салат. Уго из портрета даже не выглядывал, справедливо полагая, что я не в духе.

– Скажи-ка, а почему это ты решил помочь этой Тиль?

– Бедная девчонка на крыльце сидела, – дух издал звук, отдаленно похожий на горький вздох. – Мало того что недокормленная какая-то, так еще и рыдала.

Я задумчиво посмотрела на картину: стояла она далеко от двери, и выходит, что Уго ее покидал. Жаль, что меня в этот момент не было рядом.

– И ты ее пожалел?

– Конечно, что ж я, изверг какой. Ее вещи, кстати, в твоей спальне лежат...

От смерти Уго спасло только то, что он уже давно умер.

Рано утром явились рабочие, и поспать нам не удалось. Хотя, если быть честной, плохо спала я этой ночью совсем не из-за рабочих. В доме имелся всего один матрас, и потому с Тиль, вернувшейся из отделения, мы спали вместе. Девица вроде бы казалась маленькой и хрупкой, но храпела, как стая бешеных хомяков, и дергалась так же. Почему стая? Мне казалось, что рук и ног у Тиль всяко больше, чем по паре.

Прораба звали Кифер – был он невысок, полноват и серьезен сверх меры. Меня это порадовало – появилась надежда, что хотя бы с рабочими мне повезло.

Только я освободилась от вопросов, связанных с ремонтом, на меня налетела Тиль. Сняла мерки, расспросила о предпочтениях в фасонах и вытребовала деньги на ткань. Вообще сейчас как никогда я чувствовала зависимость настроения от денег: чем денег становилось меньше, тем сильнее хотелось кому-нибудь навредить, но при этом снижались на это возможности.

В Торговую гильдию я собиралась как на осаду крепости: взяла сумку побольше, набила ее разными зельями, в том числе и зловредными, сверху положила бутерброды – вдруг и правда очередь окажется внушительной. Часть того, что было попросту необходимо в условиях возможной драки с кровожадной секретаршей, рассовала по карманам и всерьез задумалась над тем, чтобы кроме метлы взять палку побольше. Решала я уже в прихожей и определиться до конца не успела, потому что в мой дом заявился Ригерлаш.

Офицер нагло открыл дверь, что самое возмутительное – даже не подумал постучать, брезгливо посмотрел на рабочих, будто они в его спальне инструменты раскладывали, и двинулся ко мне. Слишком уверенно шел, смею заметить, и мне это не понравилось.

– Господин Ригерлаш, – я повесила сумку на плечо и спрятала руки за спину. – Какими судьбами?

Офицер улыбнулся так, что я сразу поняла: судьба, которая забросила Ригерлаша в этот дом, действовала в чьих угодно интересах, но точно не в моих. Мужчина приблизился и остановился передо мной на расстоянии вытянутой руки. Я облегченно выдохнула.

– Госпожа Беллингслаузе, – процедил офицер. – Вы не явились в отделение. Вы вообще в курсе, что уклонение от дачи показаний грозит вам арестом?

– Как это уклоняюсь? – возмутилась я. – Кто меня вызывал?

– Я вызывал, – как-то подозрительно тихо ответил Ригерлаш. – В первый раз сержант явился обратно с повесткой и сказал, что вы отказались ее принимать, а во второй раз в отделение пришла ваша подчиненная, которая о происшествии и не слыхала.

– Какой возмутительный поклеп, – я широко улыбнулась, не в силах сдержаться. – Ваш сержант и слова не сказал о повестке, а приглашал меня на свидание.

– Вы думаете, я вам поверю? – скривился Ригерлаш. – Он женат.

– Вы посмотрите, какой кобель! – я покачала головой. – А я как чувствовала! Он же мне еще и подарок под дверь подбросил, но я прошла мимо. Так, значит, Тиль не сдержалась, да? И там была повестка? Ой, как нехорошо получилось...

По мере моего рассказа лицо офицера приобретало хищное выражение. Он дослушал, периодически кивая, но только лишь я умолкла, сделал шаг вперед и схватил меня за руку.

Так как ладони за спиной я предусмотрительно сложила в замок и доставать не спешила, мы с Ригерлашем оказались слишком уж близки. Я так и вовсе носом в его мундир уткнулась, что не могло мне нравиться. Несколько секунд мы молча боролись – офицер хоть и пытался расцепить мои руки, делать больно не хотел, а потому я напрягалась и оттягивала неприятный момент как могла.

– Ой, хозяйка, – сказал вдруг прораб. – Это мужик ваш? С ним дела вести будем?

Не желая становиться посмешищем, я сдалась. Расцепила руки и отступила назад, одновременно выглядывая из-за Ригерлаша. В прихожей столпилось слишком много рабочих, которые удивленно наблюдали за нашими с офицером объятиями. Мне то что, ведьмам многое позволено, а вот Ригерлашу это и акнуться может. Хотела было его пожалеть, но этот подлец положил в мою ладонь повестку.

Я с ненавистью посмотрела на фиолетовые искорки, которые бросились вверх по моей руке, и заявила:

– Да, Кифер. Знакомьтесь, офицер Ригерлаш – мой мужчина. И нет, дела вы с ним вести не будете – не доверяю ему деньги. Проиграет сразу, подлец.

Ригерлаш ухмыльнулся и, заворачивая мои пальчики в кулак, добавил:

– Дорогая, я еще пьяница и ходок.

– Ой, это мы сразу исправим, – бодро ответила я, хотя уже чувствовала желание броситься в отделение. На самом деле даже не представляла, где оно находится, но магия заставляла ноги шевелиться, а перед глазами возникали картинки места назначения. Пока я еще держалась, но знала, что хватит меня ненадолго. – У меня столько зелий подходящих...

Я себя переоценила – даже тридцать секунд не выдержала. Ноги понесли к дверям, в душе разгоралась жгучая необходимость увидеть отделение, я даже оттолкнула в сторону одного из рабочих, который неосторожно встал на пути. Вцепилась в ручку, чтобы задержаться хоть на мгновение, оглянулась и с яростью отметила на лице Ригерлаша почти что умиление. Совсем немного вариантов действия существует в такой ситуации. Можно, например, расплакаться, взмолиться о пощаде или смириться. Но я закричала:

– Уго, помоги!

В отделение я добралась бегом, в то время как противный Ригерлаш прибыл в экипаже. И хоть отделение было недалеко, все ж таки хорошо, что мой дом находится в центре, сам факт того, что я теперь запыханная и пыльная, а офицер свеж и бодр, бесил невероятно.

– Как добрались? – ерничал Ригерлаш, пока провожал меня в свой кабинет, а я вспоминала, какие из зелий прихватила с собой, и ядовито улыбалась. Ничего-ничего, я буду мстить, и мстя моя будет страшной. Еще не знаю какой, но Ригерлашу точно не понравится.

Как бы там ни было, отделение полиции Велтона я увидела в первый раз, а потому осматривалась с интересом, не забывая при этом бросать уничижительные взгляды на Ригерлаша. Здание было новым, с широкими коридорами и светлыми стенами, но хмурые стражники и потоки магии принуждения повсюду портили все впечатление.

Кабинет офицера совсем не сочетался с его владельцем. Маленький, узкий, с окном во всю стену – Ригерлашу будто бы выделили не целое помещение, а его огрызок. Из мебели здесь поместился лишь стол, два стула и высокий шкаф, так сильно окутанный магией, что у меня закружилась голова. Офицер прошел к столу, а мне все казалось, что он зацепится за стены плечами. Нет, обошлось. Очень жаль.

– Присаживайтесь.

Я фыркнула, но села, положив сумку на колени. Мои бутылочки зазвенели, и Ригерлаш вопросительно поднял брови. Пояснять офицеру, что находится в сумке, я не собиралась и отвернулась к окну. Оно выходило во внутренний двор, и там как раз занимались с

мечами несколько стражников. Все как на подбор: высокие, мускулистые, разгоряченные. Я даже засмотрелась.

– Общаться будем под протокол, – сказал Ригерлаш. Я равнодушно кивнула и отвела взгляд от окна. Офицер достал из стола небольшой белый шар, в котором замысловатыми фигурами клубился сиреневый дым.

– Что это? – я с интересом подалась вперед.

– Ловец слов, – Ригерлаш протянул шар мне. – Он запишет наш разговор.

Как интересно! Во время учебы в колледже был момент, когда мы с несколькими подружками сбежали в деревню на праздник. Местные напоили нас домашним вином, и недоученные пьяные ведьмы натворили дел. Несколько домов поглотил пожар, а кладбище долго еще не могли упокоить. И вот тогда мне тоже пришлось давать показания сержанту, но у него такого ловца не имелось, все по старинке – на бумаге.

– А ручкой вы водить не умеете? – уточнила я. Ригерлаш сделал вид, что страдает глухотой, и вопрос мой проигнорировал.

– Прикоснитесь к ловцу и назовите свое имя.

Это можно. Я кончиками пальцев коснулась шара и скороговоркой проговорила требуемое. Шар едва заметно замерцал. Ригерлаш положил его между нами и посмотрел на меня. Во взгляде офицера было столько ехидства и какого-то даже предвкусения, что я напряглась.

– Госпожа Беллингслаузе, вы ведьма?

Я чуть было не съязвила насчет короткой памяти – эту тему мы уже обсуждали при нашем первом разговоре, но вовремя поняла, что повторно вопросы задаются для ловца.

– Да. Чистокровная черная ведьма.

– Образование?

– Ведьмовской колледж.

– Вы его закончили?

В вопросе мне почудилась насмешка, и я с подозрением уставилась на Ригерлаша.

– Есть основания сомневаться?

Офицер едва приподнял уголки губ, и это должно было считаться улыбкой.

– Да или нет?

– Да, – сухо ответила я и недовольно поджала губы. Мамуля говорила, что так я похожа на старуху и с таким выражением лица на меня ни один мужчина не взглянет, но сейчас меня видел лишь Ригерлаш, и для него стараться быть красивой я не собиралась.

– Вы знаете, что о вашем колледже идет плохая слава?

– Нет, – фыркнула я. Конечно, я об этом не знаю. В курсе лишь безумно плохой славы. – А в чем она заключается?

– Считается, что ведьмы абсолютно беспринципные особы и в колледже вас учат вредить людям.

– Вранье, – уверенно заявила я. Наклонилась к Ригерлашу и широко улыбнулась. – Вредить мы умеем еще до поступления, а в колледже нас учат людям помогать.

Ригерлаш помолчал, внимательно меня рассматривая. Я откинулась на спинку стула и сложила руки на сумке. Тишина была долгой, и я опять отвернулась к окну: стражники все еще тренировались, и зрелище было замечательным.

– Сколько вам лет, госпожа Беллингслаузе?

– Приличной девушке такие вопросы не задают, – фыркнула я. Офицер на секунду опешил: то ли не думал, что я решусь сказать такое представителю полиции, то ли не ждал, что я причисляю себя к приличным особам. Скорее, второе, и, чтобы не разочаровывать Ригерлаша, злорадно добавила:

– Но мне двадцать лет.

Офицер закашлялся, пытаясь сдержать смех, и отвернулся, пряча улыбку. Этого я и доби-
валась: мигом запустила руку в сумку и нащупала бутылочку. Ригерлаш быстро вернул мне
свое внимание, но я уже сидела как ни в чем не бывало.

– Откуда у вас дом в Велтоне, госпожа Беллингслаузе?

– Я вам уже говорила, – я осторожно, едва двигая пальцами, пыталась определить, что
за бутылку держу в руке. Вроде бы ребристая – уже хорошо. Едва Ригерлаш начнет давить,
оболью его зельем. Если с бутылкой повезло, офицер станет лучше ко мне относиться, а если
нет, то ночь я проведу в темнице. – Выпускницам ведьмовского колледжа положена помощь
Совета ведьм, вот я и получила эту помощь в виде дома.

Ригерлаш внимательно бросил взгляд на ловец снов.

– Насколько мне известно, ведьмовской колледж оканчивают в восемнадцать лет. Вы
сидели на одном курсе несколько лет?

– Нет, с чего вы взяли?

– Тогда почему вы получили эту помощь только сейчас? Почти через два года после
выпуска?

Ах ты ж жук. Я посверлила Ригерлаша взглядом – отвечать на этот вопрос отчаянно не
хотелось, но офицер ждал. Еще и улыбался так мерзко, будто все ему было известно.

– Ничего не хотелось просто, – я пожала плечами.

И тут ловец слов загорелся красным. Ригерлаш расцвел от счастья, а я скривилась, осо-
знав, что этот артефакт еще и определяет ложь.

– А если подумать?

Если подумать, Совет ведьм я вполне могла и выдать. Но тогда офицер спросит: какую
услугу я должна им оказать, да еще у магов окажется задокументированное доказательство
того, что в качестве платы за помощь мы совершаем противозаконные действия. Колледж
после моего признания вряд ли закроют, но начнут копать, а к ведьмам и так не слишком
хорошо относятся.

Я молчала, а Ригерлаш поднялся так, что теперь нависал надо мной и принялся говорить
строго, даже как-то жестко.

– Подумайте, госпожа Беллингслаузе. Подумайте хорошо, потому что ситуация очень
неприятная: вы приезжаете в Велтон и сразу получаете дом. Говорите, что от Совета ведьм,
а проверить мы это никак не можем. Да и ладно бы, меня не особо волнует, кто и за какие
заслуги, – офицер ухмыльнулся так, что мне захотелось съездить ему по лицу, – раздает вам
недвижимость. Но в доме, который вы теперь считаете своим, появился труп. Кто-то захотел
вас подставить, госпожа Беллингслаузе, и я готов вам помочь.

Ловец слов загорелся красным, и пришла моя очередь торжествовать. Чудо-артефакт,
оказывается, работает в обе стороны, и раз уж офицер тоже лжет, я вполне могу рискнуть и
облить его зельем. В качестве воспитательной меры так точно.

Но едва я крепко взялась за бутылку и потянула ее вверх из сумки, как дверь кабинета
распахнулась, да еще с таким грохотом, будто ее ногой пнули. Я обернулась и с удивлением
обнаружила на пороге запыхавшуюся Тиль. Ее появление было тем неожиданнее, что в руках
она держала портрет моей матушки.

– Франни, больше ни слова! – закричал Уго. – Помощь пришла!

– Выйдите вон! И этого задохлика с собой унесите! – прорычал Ригерлаш, и Тиль испу-
галась, шагнула назад, но Уго высунулся из картины и помахал пальцем перед носом офицера.

– Не дождетесь! Я адвокат госпожи Беллингслаузе!

– Ты неупокоенный дух, – фыркнул Ригерлаш.

– Покажите норму закона, в которой сказано, что я не могу быть адвокатом, – подбоче-
нился Уго. Кажется, он был прав, потому что офицер помрачнел, и по пальцам его мелькнула
искра.

– Эй, – я встала со стула и загородила собой Тиль и картину. – Напоминаю, что вы не имеете права изгонять кого бы там ни было из моей собственности. Эй, ловец слов, записывай: я своего разрешения на изгнание неуспокоенного духа не даю.

Ригерлаш смотрел на меня прищурившись и словно прикидывая последствия. Я была настроена решительно: тронет Уго, и точно найму настоящего адвоката, но для того, чтобы офицера засудить. Ригерлаш понял это, поморщился и сел на свое место. Уго спрятался в портрете и опять подал голос.

– Кстати, офицер, покажите мне, пожалуйста, разрешение на использование ловца слов при допросе моей подопечной.

Разумеется, такого документа не обнаружилось, и я чуть не задохнулась от возмущения. Ригерлаш понял, что разговор со мной теперь простым не будет, и тяжело вздохнул.

– Госпожа Беллингслаузе, не хотите ли продать вашу картину?

Глава 6

Никогда не думала, что мне потребуется адвокат, но поняла, что, если он у тебя есть, жизнь становится не в пример легче. После прибытия Уго вопросов Ригерлаш задал немного, и по его нахмуренным бровям было заметно, что планировал он их гораздо больше. Вполне возможно, что офицер хотел и пытки ко мне применить и теперь досадовал, что подходящие инструменты простаивают без дела. Казалось бы, как может простой неупокоенный дух навредить искренне жаждущему нагадить офицеру? А ведь оказывается, в прозрачной бесформенной голове Уго скопилось очень много знаний о законах, и, ссылаясь на них, он мигом сбивал настрой Ригерлаша.

Из отделения я вышла искренне благодарная неупокоенному духу и с портретом на руках – Тиль давно ушла. Повестка так отчаянно вела меня в отделение, что метлу захватить не позволила, а потому пришлось возвращаться домой пешком. Уго верещал на всю улицу и угрожал жестокой мстью – обиделся на то, что я опять отказалась брать его в Гильдию, но переубедить меня не смог. Слишком уж эксцентричным оказалось мое знакомство с Кромбергом, а ведь еще с ним не раз и не два поговорить придется – не стоит усугублять плохое впечатление.

Потому в Торговой гильдии я опять оказалась одна. Взъерошенная, уставшая после общения с Ригерлашем и вынужденного забега по Велтону, но настроенная решительно. Сумка моя была плотно набита зельями, карманы платья так же, и я намеревалась сегодня же решить три задачи: получить лицензию, вернуть сумку и прощупать Кромберга на предмет отказа от помолвки. Судя по тому, что Глава Торговой гильдии заколдовал мою метлу, магией он владеет. Придется узнать уровень этой самой магии, чтобы определить, каким зельем Кромберга опавать.

Дверь в приемную Главы Торговой гильдии я открывала осторожно, уверенная, что очередь в ней настолько огромная, что этой самой дверью можно кого-то и зашибить. Никакой преграды не возникло, я заглянула в приемную и с удивлением обнаружила, что она пуста. Хоть «ау» кричи, но ответит не эхо, а довольная, как стая удавов, секретарша. Она явно ждала меня: лицо ехидное, локти положила на стол и подалась вперед, а неподалеку лежала большая палка. Будто мысли мои мерзавка прочитала и решила опередить. Я насупилась было, но вспомнила, какие серьезные задачи стоят передо мной, и решила вести себя прилично.

– Добрый день, – я широко улыбнулась. Дверь за моей спиной с грохотом захлопнулась, и мне большого труда стоило не вздрогнуть от неожиданности. – Господин Кромберг у себя?

Секретарша поморщилась, верхняя губа у нее приподнялась, и красивое лицо приобрело далеко не симпатичный оскал. Я с трудом удержалась от язвительной реплики, хотя на язык просилось замечание о сторожевой собаке.

– А прием давно закончен, – заявила мне секретарша. Я посмотрела на нее как на сумасшедшую и подумала, что желание казаться приличной не такая уж хорошая идея.

– Как же ж это так вышло? – я поджала губы. – Разве по графику господин Кромберг не до вечера людей принимает?

– Людей он, может быть, и до вечера принимает, – секретарша откинулась на спинку стула и сложила на груди руки. Стул под ее немаленьким задом предательски заскрипел. – А вредных ведьм согласен был терпеть до обеда.

У меня задергался глаз. До обеда я без удовольствия отвечала на вопросы Ригерлаша, и напоминать об этом не стоило.

– И вчера вы, разумеется, забыли мне об этом сообщить? – почти спокойно спросила я.

– Нет! – отрезала секретарша и засмеялась так противно, будто курсы в ведьмовском колледже проходила. – Я специально не сказала.

Ну что ж, мне просто нужно было подтверждение, чтобы совесть не мучала. Я кивнула, осторожно, почти любя, поставила сумку на пол, чтобы не мешалась, и, развернувшись к двери, заблокировала ее собственной метлой. Моя верная подруга дрогнула, и несколько прутиков из ее пучка приподнялись и махнули, подавая знак, что все в норме.

– Э, ты чего это, ведьма? – заволновалась секретарша и взяла в руки палку. Ничего не отвечая, я достала из сумки пару бутылочек и медленно, неотвратно двинулась к столу. Девушка соскочила с места и выставила оружие вперед. – Не подходи! Не подходи, а то я тебя в пол вобью.

Угроза действительно была весомой – секретарше я ровнехонько по грудь, и, если сверху получу палкой по голове, вполне возможно, что стану еще меньше ростом. Размах плеч-то у девушки прямо-таки рыцарский. Но если вчера я сбежала, потому что она поймала меня врасплох, то сегодня готова сражаться за лицензию.

– Я тебя издалека достану, – пообещала я. Медленно, с предвкушением открыла одну из бутылочек. По приемной тут же разнесся яркий запах сирени, напоминающий о том периоде, когда коты ищут себе пару. Секретарша наблюдала за мной с настороженностью, и, учуяв запах, вовсе зажала нос пальцами.

– Фто за мерзофть? – спросила она гнусаво. – Пшла вон.

– Звериное зелье, – любезно пояснила я. – Сама изобрела. Сейчас разолью по комнате, и ты на целый час возомнишь себя каким-то животным. Будешь бегать по приемной и лаять или мяукать. Хотя... Глядя на тебя, мне кажется, будешь ползать и шипеть.

– Дурафкое кофдофтво, – заявила мне девушка. Нос она при этом не отпускала. – Фтану фобакой и загрызу тебя. Тофко федымы такую глупофть придумывают.

– Животные терпеть не могут одежду, – продолжала я с предвкушением. – Так что ползать или твять ты будешь голой. Разумеется, дверь я открою, и твой зад будет лицезреть вся Гильдия. Как думаешь, звать кого-нибудь придется или мужики сами набегут?

Секретарша нахмурилась, просчитывая варианты. Ей явно не верилось, что я могу такое устроить, но и рисковать не хотелось. Чтобы избавиться от лишних сомнений, я многозначительно потрясла бутылочкой в воздухе и добавила:

– А когда Кромберга увидишь, еще и облизывать его примешься.

– Тебя пофадят, – мстительно заявила девушка. – Я вфем расскажу, кто это фделал.

Я пожалала плечами, делая вид, что меня это несколько не волнует.

– Ты думаешь, я не предусмотрела такое развитие событий? После моего зелья ты не вспомнишь события последних трех часов. Ну что-то мы заболтались, вдруг кто решит посетить Кромберга, а мне свидетели ни к чему.

Я хищно улыбнулась и махнула рукой, собираясь зелье разлить. Секретарша вскрикнула и опять выставила вперед палку.

– Фтой! Кому фказала! Я не хочу быть фобакой.

Я замерла, настороженно глядя на девушку.

– Как это стой? Ты предлагаешь мне сделать вид, что ничего не было?

– Да! – секретарша медленно отпустила нос. Кончик у нее словно бы оказался немного свернутым набок. Я продолжала, с каждым словом повышая градус возмущения в голосе.

– Хочешь, чтобы я не воспользовалась злобным зельем?

– Да!

– Отказалась от планов мести?

– Да! – девушка потрясла палкой.

– Ну что ж, – я заткнула бутылочку пробкой. Зелье, запах которого заставлял испытывать необоснованную тревогу, сделало свое дело. – Тогда давай попробуем заново: можно я пройду к Кромбергу?

– Нет, – обреченно сказала секретарша, подняла руку, чтобы закрыть нос, но передумала. – Правда нельзя, мэр его утром вызвал, господин Кромберг еще не возвращался.

Ну что ж, как говорит моя маменька, ведьмы не опаздывают, они просто приходят намного раньше следующей встречи. Так что придется подождать. Я достала из ручки двери метлу и с грохотом подтащила к столу один из стульев для гостей. Секретаршу передернуло, а я ослепительно улыбнулась и села напротив нее.

– Поболтаем? Меня Франциска зовут.

По лицу девицы легко можно было прочесть, что мое имя ей не приятнее занозы, но я сделала вид, что читать не умею. Продолжала улыбаться и смотреть на секретаршу добрым взором. От непривычного выражения доброты мое лицо едва судорогой не сводило, но девица понаблюдала за мной и все-таки сдалась.

– Адель. Кофе будешь?

– Спасибо, конечно...

– Но?

– Какое но? Я говорю: спасибо. Конечно.

Адель фыркнула. Вблизи было заметно, что царапины, оставшиеся вчера от моей метлы, скрывает большой слой пудры, но из-за этой самой пудры, которая собралась в мелких морщинках, секретарша выглядела как бульдог. Делая мне кофе, Адель так старательно прикрывала локтем кружку, что, подозреваю, плевала туда.

– Пей, – Адель поставила передо мной кружку и выглядела такой любезной, что в своих подозрениях я уверилась.

– Позже, – кружку я брезгливо отодвинула пальчиком. Секретарша посмотрела на меня волком: радости от того, что я собираюсь задержаться, Адель явно не испытывала. – А я вижу у тебя царапины на лице не прошли.

Так как я косвенно к этим царапинам была причастна, замечание мое было рискованным. Хорошо, что я это быстро поняла и поправилась:

– Я помочь могу.

– Уже помогла, – фыркнула Адель. – Но ты не переживай, я тебя отблагодарю, – голос ее звучал зловеще. – Пей кофе.

Ох, судя по кровожадному исцарапанному лицу, в кофе был не только плевков добавлен. Кроме меня ведьм в городе не водится, но всякие интересные микстуры от лекарей неприятности тоже могут принести. Откуда я знаю, от чего госпожа секретарша лечится? Может быть, у нее проблемы с тем самым стулом, на котором не сидят, и она великодушно и мне решила помочь от них избавиться.

– Я серьезно, – я потрясла сумкой, и склянки загрохотали. – Я умею залечивать легкие раны и делать лицо гладким, красивым, без единого изъяна. Говорила же вчера.

Секретарша смотрела на меня с таким видом, будто хотела взять в плен и долго пытаться. Возможно, так оно и было. Я бы тоже перед вмешательством в собственную внешность хотела подтверждения благих намерений, и хорошо, если бы эти благие намерения подтвердились кровью.

– Ну, хорошо, – Адель решила. – Мне встать? Как тебе будет удобнее?

– Да я ниже тебя ростом. Сиди, конечно, только откинуться нужно, – я поправила голову секретарши. – Вот так, да.

Хорошо, что не все образцы зелий для красоты остались вчера в кабинете Кромберга, иначе завоевывать доверие секретарши было бы тяжело. Хотя и так придется помучиться... Нелегкая это работа – из жертвы метлы делать красотку.

Я выставила на стол несколько баночек, с удовольствием провела пальцем по плотным крышкам и с сомнением уставилась на Адель. Хорошо бы вытереть лицо салфетками со спе-

циальным раствором, но вот их я с собой не захватила. А потому щедро плеснула на лицо секретарши очищающим раствором и, не жалея, размазала его по коже.

– Ты что делаешь? – чуть не задохнулась от возмущения Адель. Она попыталась вскочить со стула, но я удержала ее за плечи.

– На тебе пудры столько, что ею можно нарисовать гарнизон, – рявкнула я. – Я до твоих царяпин добраться вообще-то должна. Лежи и не двигайся, а то сделаю что-то не то.

– Не то, – испуганно повторила Адель. – То есть у меня не только царяпины исчезнут, но и что-то нужное?

– Почему сразу исчезнет? – возмутилась я. – Может быть, просто увеличится. И необязательно губы. Вполне возможно, что это будет нос... или веки.

– Веки? – прошептала секретарша. – Это что ж, я их руками поднимать буду?

Я представила Адель, придерживающую глаза руками, и закашлялась, чтобы в голос не засмеяться.

– Нет, мне это не нравится, так что просто убирай царяпины, – хмуро сказала Адель. – И учти, если что пойдет не так, не посмотрю, что ты ведьма, и... и...

Мне даже интересно стало, чем же может угрожать секретарша. Явно же: Адель никакими способностями не обладает, кроме бюста такого размера, будто она из него растет, а не наоборот, но хрупкое перемирие я нарушать не стала и покорно кивнула.

– Поняла, мне будет плохо.

Без пудры, червлёных бровей и ярких губ Адель выглядела непривычно мягко и приятно. Я сделала небольшой массаж, заставляя расслабиться напряженные мышцы лица, и оказалось, что секретарша еще и очень молода. Девушка разомлела, едва ли не замурлыкала, и я решила, что подходящий для разведки момент настал.

– А как тебя вчера Кромберг от моей метлы спас? – спросила я, нанося на лицо Адель зелье светло-зеленого цвета. По комнате разнесся едва слышный запах корицы, и заодно я открыла еще одну бутылочку, содержимое которой издавало аромат лаванды. Запахи маскировали друг друга, и даже будь Адель сведуща в зельях, не смогла бы ничего заподозрить.

– Он же маг, – сонно ответила секретарша. – Сказал что-то, рукой махнул – и все, твоя метелка на пол упала. Ты ж сама ведьма, как там у вас это происходит?

– Ну да, – пробурчала я. – Так и происходит. Кромберг, наверное, сильный маг?

– Сильный, – в голосе Адель послышалось восхищение. – К нему все обращаются в случае... часто обращаются.

Я покусала губы, не зная, следует ли мне знать об этих случаях, но решила, что имеются вопросы намного важнее. Сильные маги тоже подвержены ведьминскому колдовству, и Кромбергу не спастись.

– А красивый какой у тебя начальник, – я нанесла на лицо Адель следующее средство.

– Ой, не говори, – горько вздохнула секретарша. – Но он уже занят, так что даже не смотри в его сторону.

– Занят? – «удивилась» я. – И кем же? Неужели такая красотка, как ты, не смогла подвинуть?

Ответ на вопрос я получила, но совсем не с той стороны, с какой ожидала, да и голос был явно грубоват.

– Не смогла!

Адель вздрогнула и открыла глаза, забыв о том, что на веки я зелье тоже наносила. Мы обе уставились на Главу Торговой гильдии, который смотрел на нас с недовольным выражением лица, только вот секретарше не удалось долго выдержать злой взгляд начальника.

– Ведьма! – Адель покачнулась и зажмурилась. – Мне глаза жжет.

– Так сама их открыла! – возмутилась я. – Ничего страшного не произошло, беги умойся.

Секретарша оказалась слабенькой, сразу потеряла способность мыслить здраво, закричала, завозмущалась, а в напряженной тишине приемной под тяжелым взглядом Главы Торговой гильдии эти крики казались чуть ли не концом света. Я не выдержала и плеснула ей в лицо очищающим зельем. Адель резко замолчала и недоверчиво приоткрыла один глаз.

– Все равно жжется.

– Идите к воде! – холодно сказал Кромберг, и его-то секретарша уже послушалась и, шурясь, направилась к выходу. Я расстроено посмотрела ей вслед, понимая, что из-за нехоти вернувшегося начальника разрушила подобие доверия, возникшего между нами девочками. Хотелось броситься секретарше вслед и взмолиться о прощении и понимании, но мне пришлось остаться с Главой Торговой гильдии.

– Госпожа Беллингслаузе, я полагаю? – до мерзости равнодушно осведомился Кромберг. Я неопределенно кивнула и принялась закрывать и собирать бутылочки. – Вы решили известить мою секретаршу?

– Вот уж нет, – я нахмурилась и изо всех сил сделала серьезный вид. – Наоборот, я пытаюсь устранить ущерб, который вчера нанесла моя метла.

– Вот как, – я коснулась бутылочки с запахом лаванды, но моя ладонь встретилась с пальцами Кромберга. Глава Торговой гильдии почти выхватил у меня склянку и поднес ее к лицу. – Вы позволите?

Я криво улыбнулась, но противиться не стала. Кромберг открыл бутылку, которую я уже счастливо успела закрыть, и принялся.

– А для устранения ущерба обязательно было использовать зелье правды?

Я чуть сумку от неожиданности не уронила. Глава Торговой гильдии, пусть и серьезный маг, вот так с ходу определил, какое зелье перед ним находится? Я, конечно, использовала стандартный рецепт, но не думала, что Кромберг является знатоком в ведьмовском зельеварении.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – сухо сказала я и протянула руку к Кромбергу. Мужчина внимательно посмотрел на меня и бутылочкой покачал в воздухе.

– Госпожа Беллингслаузе, вы зачем пришли?

– За лицензией на кабинет красоты!

– И все?

– Нет, конечно, – фыркнула я. Кромберг высокомерно улыбнулся, но радовать его я не спешила. – Еще сумку свою хотела бы у вас забрать.

Мужчина опять принялся.

– Значит, варили вы, раз на вас не действует.

– Или это не зелье правды, – подсказала я.

– Есть только один способ проверить, – хмыкнул Кромберг и демонстративно протянул мне бутылку. – Сделаете глоток?

Запах зелья на меня не действовал, так как я к нему слишком уж привычна, а вот если выпью хоть немного, может и понести в откровениях. Вряд ли Кромберг задаст вопрос насчет моих намерений в отношении него, но рисковать не стоит.

– Это не предназначено для питья, господин Кромберг, – я выпятила подбородок вперед и смерила Главу Гильдии таким взглядом, что он должен был сразу же стушеваться. К сожалению, Кромберг не оценил и только лишь закатил глаза. – Верните, пожалуйста, мое имущество.

Глава Гильдии поднял бутылку, рассматривая ее на свету, а я мысленно похвалила себя за то, что всегда покупаю затемненное стекло. В какой-то момент мне показалось, что Кромберг сделает глоток, но нет: мужчина крепко на мгновение сжал склянку и поставил ее на стол.

– Забирайте.

– А сумку?

– И сумку тоже. Мне ваше имущество ни к чему.

Слово «имущество» Кромберг произнес с мерзкой издевкой, и я еще раз подумала о том, что Герти Кафлиц в моем лице обретет чуть ли не спасение. Хотя тут же ударила себя по щекам, вспомнив, что пока даже не представляю, как буду расстраивать помолвку.

Кромберг развернулся и направился в собственный кабинет, а я поспешила следом. Шла задумчивая, размышляющая, каким зельем можно опохмелить Кромберга, если он составы на запах определяет, и потому не сразу среагировала на изменение обстановки. Мужчина резко остановился, и я впечаталась лицом в его спину.

– Госпожа Беллингслаузе, – вкрадчиво начал Кромберг. – А вы сегодня уже заходили в мой кабинет?

Я сделала шаг назад и недовольно потерла нос.

– Каюсь, не успела. Как порядочная ведьма ждала вас в коридоре, а что случилось?

– Знать бы, что вы вкладываете в определение «порядочная ведьма», – Кромберг покачал головой. – Но в мое отсутствие в кабинете явно кто-то побывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.